

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

На правах рукописи

ГАШЕНКО АКИМ ЮРЬЕВИЧ

**ЭВОЛЮЦИЯ КОНЦЕПЦИИ МЕЖДУНАРОДНОГО
ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В XX ВЕКЕ**

Специальность 23.00.01 –

Теория и философия политики, история и методология политической науки

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени
кандидата политических наук

Научный руководитель
доктор философских наук,
профессор Гуторов
Владимир Александрович

Санкт-Петербург
2014

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
Глава 1. Теоретические дискуссии о феномене глобального гражданского общества	14
1.1. Возникновение и развитие концепции глобального гражданского общества	14
1.2. Международное гражданское общество как отражение глобализационных процессов	42
1.3. Глобальное гражданское общество как идеологический феномен	58
Глава 2. Роль глобального гражданского общества в политическом процессе	72
2.1. Институты глобального гражданского общества.....	72
2.2. Индивид в глобальном гражданском обществе: концептуальный аспект	91
2.3. Космополитизм как фактор развития посткоммунистических обществ	105
Заключение.....	119
Список литературы.....	126

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Резкое ускорение процессов глобализации в последнем десятилетии XX века стало своеобразным вызовом для политической теории. Формирование новой системы международных отношений в ситуации отсутствия противостоящих военно-политических блоков, потребовало новой ценностной базы. В этот момент в академический дискурс вошло понятие «международное гражданское общество», на основе которого были сформированы ряд важных объяснительных и нормативных моделей мировой политики эпохи глобализации. В настоящей работе мы будем использовать понятия «международное гражданское общество» и «глобальное гражданское общество» в качестве взаимозаменяемых, поскольку в эпоху глобализации деятельность всех существенных акторов международных политических отношений приобрела глобальный характер. Даже в тех случаях, когда международные взаимодействия осознанно ограничиваются региональным уровнем, имеет смысл говорить не о региональном гражданском обществе, а о региональном сегменте глобального гражданского общества, как это будет показано в параграфе, посвящённом специфике глобального гражданского общества в посткоммунистических странах Восточной Европы.

Совокупность глобальных экологических, военных, культурных и экономических проблем требует глобальных же усилий по их разрешению. В то же время эффективные международные механизмы принятия и реализации решений глобального уровня создаются медленно, а уже существующие институты глобального управления обременены существенными недостатками, в том числе непрозрачностью и неподотчётностью. На этом фоне возрастает значимость неправительственных организаций, чья деятельность всё чаще приобретает транснациональный характер. Эти организации в совокупности образуют эмпирический референт концепции глобального гражданского общества, что обосновывает

актуальность темы настоящего диссертационного исследования. Второй аргумент в поддержку его актуальности связан с тем обстоятельством, что разработанная в начале 90-х годов нормативная модель перехода к «пост-вестфальскому миру» за счёт формирования глобального гражданского общества, объединённого общечеловеческими ценностями, не утратила своей значимости и двадцать лет спустя. События начала нулевых годов, включая кампанию по борьбе с глобальным терроризмом и войну в Ираке, предпринятую коалицией во главе с США без формальной санкции мирового сообщества лишь показали относительную слабость мирового общественного мнения, но не выдвинули концептуальной альтернативы космополитическому проекту 90-х годов. Дальнейшая теоретическая проработка концепции глобального гражданского общества, включая поиск её уязвимостей и возможных альтернатив, представляется актуальной научной задачей.

Объектом диссертационного исследования является трансформация теории и институтов гражданского общества в мировом политическом процессе конца XX – начала XXI века.

В качестве **предмета** исследования выступает теоретическая концепция глобального гражданского общества, включая такие её аспекты как положение и роль вне правительственных организаций в мировой политике.

Основной целью настоящей работы является изучение нормативных, эмпирических и идеологических элементов концепции глобального гражданского общества в их взаимосвязи и взаимодействии с объективными и субъективными факторами мирового политического процесса эпохи глобализации.

Для достижения поставленной цели ставятся и решаются следующие **научные задачи**:

1. Изучение теоретических предпосылок возникновения и развития концепции глобального гражданского общества.
2. Анализ влияния экономических, информационных, культурных и политических аспектов глобализации на формирование различных версий теоретической концепции глобального гражданского общества.
3. Выделение основных идеологических интерпретаций теоретической концепции глобального гражданского общества.
4. Исследование организационной и институциональной инфраструктуры активистской формы глобального гражданского общества как эмпирического феномена мирового политического процесса эпохи глобализации.
5. Рассмотрение концептуального аспекта индивидуального участия в международном политическом процессе эпохи глобализации в целом, и психологических предпосылок вовлечения индивида в активистскую деятельность в глобальном гражданском обществе в особенности.
6. Оценка роли космополитизма как идейной платформы активистского сегмента глобального гражданского общества в посткоммунистических странах Восточной Европы.

Степень научной разработанности проблемы. Теоретическую базу настоящего исследования заложили классические работы в сфере политической философии, в которых исследовался феномен гражданского общества. Наиболее важные концептуальные элементы современной теории гражданского общества были заложены в работах А. Фергюсона,¹ Т. Пейна,² И. Канта,³ Г.В.Ф. Гегеля,⁴ А. де Токвиля,⁵ К. Маркса,⁶ и А. Грамши.⁷

¹ *Фергюсон А.* Опыт истории гражданского общества. - М.: РОССПЭН. – 2000.

² *Пейн Т.* Избранные сочинения / Под ред. М.П. Баскина. - М.: АН СССР. – 1959.

³ *Кант И.* Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане. / Сочинения в шести томах. - М.: Мысль.- Т. 6. - 1966. - С.5-23.

Среди зарубежных авторов, сформулировавших основные положения современной концепции глобального гражданского общества, необходимо отметить Р. Лёпсхетца⁸, Дж. Кина,⁹ Р. Саламона,¹⁰ М. Кастельса,¹¹ Я. Шёльте,¹² а также руководителей авторского коллектива, издавшего, начиная с 2001 года серию ежегодников Лондонской школы экономики под названием «Глобальное гражданское общество», Х. Анхейера, М. Гласиуса и М. Калдор.¹³

В отечественной научной литературе проблематика глобального гражданского общества рассматривалась в работах В.Н. Лукина,¹⁴ И.Б. Левина,¹⁵ И.В. Цыро,¹⁶ О.И. Ефимова,¹⁷ Х.Э. Мариносяна,¹⁸ Е.Н. Садовой,¹⁹

⁴ Гегель Г.Ф. Философия права. – М.: Мысль. - 1990.

⁵ Токвиль А. Демократия в Америке. - М.: Прогресс. – 1992.

⁶ Маркс К. К еврейскому вопросу. / К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Издание второе. Т.1. – М. Государственное издательство политической литературы. – 1955.

⁷ Грамши А. Тюремные тетради. В 3 ч. Ч.1. – М.: Политиздат. – 1991.

⁸ Lipschutz R. Reconstructing world politics: The emergence of global civil society. // Millennium: Journal of International Studies. – 1992. - Vol. 21. - № 3. - P.389–420.

⁹ Keane J. Global civil society? – Cambridge: Cambridge University Press. - 2003.

¹⁰ Salamon L., Global civil society: An overview. – The Johns Hopkins University: Center for Civil Society Studies. - 2003.

¹¹ Castells M. The new public sphere: Global civil society, communication networks, and global governance //The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science. – March 2008. – №. 1. – P. 78-93.

¹² Scholte J. Global civil society. // The Political Economy of Globalization. – L.: Macmillan. - 2000. - P.178-190.

¹³ Global Civil Society 2001. / Edited by Helmut Anheier, Marlies Glasius and Mary Kaldor. – Oxford: Oxford University Press, 2001.

¹⁴ Лукин В.Н. Гражданское общество в глобальном мире (политический анализ проблем, рисков и стратегий развития). Диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук. - Москва, 2006.

¹⁵ Левин И.Б. Глобализация и демократия //Полис: Политические исследования. – 2003. – №. 2. – С. 53-70.

¹⁶ Цыро И.В. Механизм взаимодействия глобального и национального гражданских обществ. // Научные проблемы гуманитарных исследований. - 2010. - № 10. - С. 248-255.

¹⁷ Ефимов О.И. Глобальное гражданское общество: характеристики и противоречия. // Личность. Культура. Общество. - 2010. - Т. 12. - № 4. - С. 379-384.

¹⁸ Мариносян Х.Э. Глобальное гражданское общество, глобальное гражданство и космополитическое государство в контексте глобализации. // Философские науки. - 2011. - № 8. - С. 5-15.

¹⁹ Садовая Е.Н. К вопросу о глобальном гражданском обществе. // Вестник Донского государственного технического университета. - 2007. -Т. 7. - № 1. - С. 135-138.

М.Н. Марченко,²⁰ Л.А. Гайнутдиновой,²¹ К.В. Белова,²² И.И. Кузнецова²³ и многих других авторов.

Вместе с тем, следует отметить, что разработка фундаментальных оснований концепции глобального гражданского общества пока не увенчалась формированием стройной теории, или даже убедительной нормативной модели. Остаются открытыми вопросы, как о границах изучаемого явления, так и его функциональной роли в современном мире.

Методологической и теоретической основой диссертационного исследования является совокупность разработанных в политической теории концепций мирового политического процесса эпохи глобализации, а также технологии философского анализа ценностных ориентаций и идеологических доктрин субъектов мировой политики. При написании работы использовались социологический, политико-психологический, исторический методы исследования, а также методы системного анализа и компаративистики. Различные аспекты проблематики настоящей работы требовали обращения к специфическим методологическим и теоретическим традициям политической теории, таким как теория «дискурсивных сообществ» Роберта Вусноу²⁴ и кембриджская традицией изучения «идей в контексте».²⁵

²⁰ *Марченко М.Н.* О концепции глобального гражданского общества. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. - 2007. - № 2. - С. 5-18.

²¹ *Гайнутдинова Л.А.* Роль гражданского общества в системе глобального управления. // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. - 2009. - № 5. - С. 95-109.

²² *Белов К.В.* Модели понимания концепции глобального гражданского общества. // Политика и общество. - 2011. - № 12. - С. 26-38.

²³ *Кузнецов И.И.* Современная повестка дня глобального гражданского общества. // Вестник МГИМО Университета. - 2012. - № 2. - С. 120-127.

²⁴ *Wuthnow R.* Communities of discourse: Ideology and Social Structure in the Reformation, the Enlightenment, and European Socialism. - Cambridge, MA: Harvard University Press. - 1993.

²⁵ *Political Innovation and Conceptual Change / Edited by Terence Ball, James Farr, and Russell L. Hanson.* - New York: Cambridge University Press. - 1989.

Научная новизна настоящего исследования включает в себя следующие элементы:

1. Выделены и проанализированы основные варианты интеграции концепции глобального гражданского общества в различные современные идеологические дискурсы.
2. Изучены основные принципы и особенности активистской теории глобального гражданского общества.
3. Проанализированы специфические характеристики ценностных ориентаций активистского сегмента идеологов и акторов глобального гражданского общества в посткоммунистических странах Восточной Европы.
4. Рассмотрена роль космополитизма как одного из факторов политического процесса в условиях глобализации.
5. Предложена неогегельянская альтернатива доминирующим в современном политическом дискурсе неограмшианским подходам к разработке нормативной модели глобального гражданского общества.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Концепция глобального гражданского общества сформировалась и приобрела значительную популярность в конце XX века. Среди основных причин этого можно выделить: а) увеличение роли неправительственных транснациональных организаций в мировом политическом процессе, б) изменение общего политического климата в результате конца Холодной войны и ослабления напряжённости идеологического противоборства; в) потребности в нормативном обосновании нового состояния мировой политики, в котором уменьшилось значение суверенитета отдельных государств и возросла роль общих ценностей.

2. Термин «глобальное гражданское общество» оказался востребован ввиду того, что концепция гражданского общества опирается на многовековую традицию анализа и интерпретации этого феномена в политической теории. Многообразие фундаментально проработанных трактовок гражданского общества позволяет исследователям и публицистам использовать это понятие в удобном для себя ключе, опираясь при этом, на одну из классических традиций политической философии.
3. Наибольшее внимание СМИ и широкой общественности в конце XX века привлекли активистские структуры антиглобалистского толка, заявившие о себе как о представителях глобального гражданского общества. Это было вызвано как реальными издержками экономической глобализации, вызвавшими протесты на транснациональном уровне, так и потребностью активистов радикально левого толка в конструировании новой идентичности своего движения. Более масштабные и реально значимые элементы глобального гражданского общества, такие как религиозные объединения, редко анализируются исследователями в контексте данной концепции.
4. Концепция глобального гражданского общества может интерпретироваться как элемент эмпирической политической науки, нормативной политической теории и идеологических дискурсов. В радикально левом антиглобалистском дискурсе из понятия глобального гражданского общества исключаются организации, связанные с бизнесом, а в коммунитаристском дискурсе вообще все группы интересов. Таким образом, идеологические течения изменяют значение этого понятия в соответствии со своими потребностями и превращают концепцию глобального гражданского общества в идеологему.

5. На фоне ускорения процессов глобализации в конце XX века, система международных отношений в целом продолжала сохранять анархический характер. Те немногочисленные глобальные управленческие структуры, которые всё же оказывались в состоянии вырабатывать и осуществлять политические решения, нацеленные на решение общемировых проблем, в свою очередь страдали от недостатка прозрачности и подотчётности в своей деятельности. В этой ситуации расширение участия транснациональных неправительственных организаций в деятельности глобальных политических институтов стало способом хотя бы отчасти сократить разрыв между глобальной элитой и рядовыми жителями земного шара. Вследствие этого в конце XX столетия заметно увеличилось вовлечение структур глобального гражданского общества в процесс консультаций с представителями официальных международных организаций, а многие авторитетные неправительственные ассоциации получили формальный консультативный статус. В результате интенсифицировался процесс разработки правовых основ взаимодействия структур гражданского общества с ведущими субъектами мировой политики. Таким образом, институты глобального гражданского общества в конце прошлого столетия превратились в неотъемлемый элемент мирового политического процесса.
6. Размывание национальной идентичности и набирающая силу эмансипация индивидов от принудительного государственного патриотизма способствовали более активному вовлечению рядовых граждан различных стран мира в политические процессы на международном уровне. Формирование активистской версии глобального гражданского общества вернуло в международную политику этический аспект. Сотни тысяч альтруистично настроенных активистов глобального гражданского общества смогли привлечь внимание общественности к ряду жгучих проблем современного мира

и утвердить в качестве основы дискурса международных организаций концепцию универсальных и неотъемлемых прав человека.

7. В посткоммунистических странах Восточной Европы сформировался особый сегмент глобального гражданского общества. Доминирующей идеологией активистов глобального гражданского общества здесь стала не критика «неолиберальной глобализации», а особая версия либерального космополитизма, в основе которой лежал проект европейской интеграции. Именно в этом регионе был наиболее эффективно применён «эффект бумеранга», позволяющий влиять на правительства национальных государств, опираясь на ресурсы глобального гражданского общества. Это обстоятельство во многом способствовало относительно успешной демократизации посткоммунистических стран Восточной Европы и предотвращению масштабного авторитарного отката.
8. В современном политическом дискурсе наибольшей популярностью пользуется неограмшианский подход к анализу глобального гражданского общества. В рамках этого подхода акцент делается на роль гражданского общества в процессе борьбы за идейно-политическую гегемонию на глобальном уровне. Предполагается, что активисты глобального гражданского общества противостоят доминированию транснациональных корпораций, и в противовес неолиберальной версии глобализации, выступают за «глобализацию снизу». Проблемой этой нормативной модели является её ограничительный характер по отношению к самому феномену глобального гражданского общества. Из него исключаются либо организации, выражающие интересы бизнеса, либо любые группы интересов вообще, оставляя место только для объединений альтруистического характера. Тем самым происходит радикальный разрыв с теоретической традицией, осмыслявшей гражданское общество как сферу свободной цивилизованной конкуренции

интересов за пределами компетенции государства. Решить эту проблему может возвращение к гегельянской традиции осмысления гражданского общества. В этом случае мы не ограничиваем, а расширяем сферу гражданского общества за счёт государств, утрачивающих некоторую часть суверенитета, но сохраняющих социальные и правоприменительные функции, по образцу средневековых корпораций. Этот подход мы считаем более перспективным, поскольку неогегельянская нормативная модель глобального гражданского общества снимает также и проблему ценностного разрыва между активистами протестных движений и большинством рядовых граждан, включая последних в состав лиц, влияющих на принятие решений в глобальном масштабе.

Практическая значимость результатов диссертационного исследования определяется теми возможностями, которые открывает для дальнейшего осмысления проблемы предложенный в настоящей работе подход к изучению взаимосвязи между нормативными, идеологическими и эмпирическими элементами концепции глобального гражданского общества.

Материалы данного исследования в прикладном аспекте могут быть использованы политическими движениями при разработке программных документов и идеологических доктрин, а также центрами политической экспертизы при разработке проектов политических решений.

Собранный и систематизированный в диссертации материал и основные выводы работы могут использоваться также при подготовке учебных курсов, книг и пособий в области политической теории.

Структура диссертации соответствует основной цели работы, поставленным в ней задачам и отражает логику процесса исследования. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, и списка литературы.

Во введении обосновывается актуальность исследования, формулируются его цели и задачи, выявляются научная новизна и практическая значимость исследования, раскрывается степень изученности темы, указывается методологическая основа исследования.

В первой главе рассматриваются теоретические дискуссии о феномене глобального гражданского общества. При этом первый параграф посвящён изучению возникновения и развития концепции глобального гражданского общества, во втором параграфе анализируется воздействие глобализационных процессов на международное гражданское общество, а в третьем параграфе рассматриваются различные идеологические интерпретации концепции глобального гражданского общества.

Во второй главе исследуется роль глобального гражданского общества в политическом процессе. Первый параграф посвящён изучению институциональных характеристик глобального гражданского общества, во втором параграфе рассматривается концептуальный аспект вовлечения индивида в международный политический процесс в качестве активиста глобального гражданского общества, а в третьем параграфе анализируется роль космополитизма в политике посткоммунистических стран.

В заключении диссертации подводятся основные итоги, обобщаются результаты и излагаются важнейшие выводы исследования.

Результаты исследования нашли отражение в ряде публикаций, среди которых:

1. Гашенко А.Ю. Международное гражданское общество: концептуальные подходы. // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2011. Т. 7. № 3. С. 153-164. (0,75 усл. печ. листа).

Глава 1. Теоретические дискуссии о феномене глобального гражданского общества

1.1. Возникновение и развитие концепции глобального гражданского общества

Трансформация мировой политики, связанная с почти мгновенным по историческим меркам крушением советского военно-политического блока в 1989-1991 годах повлекла за собой многочисленные изменения в сфере социальных наук. Биполярная структура основного международного политического конфликта исчезла, резко увеличив число реалистичных стратегий, доступных различным акторам мирового политического процесса. Среди этих акторов значимое место заняли негосударственные структуры, в том числе социальные движения и неправительственные организации, чья деятельность выходила за рамки отдельных суверенных государств. В средствах массовой информации, а также в академическом и экспертном сообществе деятельность этих структур активно обсуждалась и интерпретировалась с помощью инструментария общественной науки, в том числе теории международных отношений.

Считается, что термин «глобальное гражданское общество» в академических публикациях независимо друг от друга употребили два британских специалиста по международным отношениям Кен Буз и Стивен Джил (последний позднее эмигрировал в Канаду и преподавал в университете в Торонто), чьи статьи увидели свет летом 1991 года.²⁶ Важно отметить, что эти специалисты не претендовали на авторство концепции глобального гражданского общества, поскольку к этому моменту данный термин уже довольно широко использовался в неформальной

²⁶ *Gill St.* Reflections on Global Order and Sociohistorical Time. // *Alternatives*. - Summer 1991. - Vol. 16. - №. 3. - P.275-314; *Booth K.* Security in Anarchy: Utopian Realism in Theory and Practice. // *International Affairs*. - Jul. 1991. - Vol. 67. - №. 3. - P. 527-545.

профессиональной коммуникации. Концепция глобального гражданского общества, как нового феномена мировой политики, была сформулирована годом позже в статье американского специалиста по проблемам международной безопасности Ронни Лепсхётца «Реконструируя мировую политику: возникновение глобального гражданского общества».²⁷

За два десятилетия, прошедших с этого момента, концепция глобального гражданского общества²⁸ приобрела множество интерпретаций, а число публикаций по данной тематике исчисляется уже десятками тысяч. В настоящей работе мы не ставим перед собой задачу выявить и проанализировать все направления теоретических дискуссий по проблеме глобального гражданского общества, поскольку этого не позволит объём диссертационного исследования. Однако нам представляется необходимым выявить основные теоретические предпосылки формирования данной концепции и объяснить её востребованность основными целевыми аудиториями, в число которых мы включаем не только представителей академического сообщества, но и активистов различных социальных и политических движений.

При этом мы будем акцентировать внимание на структурных трансформациях политического процесса, вызвавших потребность в формировании теоретических концепций, способных не только описывать, но и конструировать реальность, в соответствии с методологией, предложенной теорией «дискурсивных сообществ» Роберта Вусноу²⁹ и кембриджской традицией изучения «идей в контексте».³⁰

²⁷ *Lipschutz R.* Reconstructing world politics: The emergence of global civil society. // *Millennium: Journal of International Studies.* – 1992. – Vol. 21. – № 3. – P.389–420.

²⁸ Как было отмечено во Введении, в настоящей работе понятия «глобальное гражданское общество» и «международное гражданское общество» используются в качестве равноценных и взаимозаменяемых.

²⁹ *Wuthnow R.* Communities of discourse: Ideology and Social Structure in the Reformation, the Enlightenment, and European Socialism. - Cambridge, MA: Harvard University Press - 1993.

³⁰ *Political Innovation and Conceptual Change / Edited by Terence Ball, James Farr, and Russell L. Hanson.* - New York: Cambridge University Press. - 1989.

Лепсхётц, указывал на необходимость уделить больше внимания негосударственным акторам в системе международных отношений. Но это не объясняло использование термина «гражданское общество» с его двухвековой традицией и различными теоретическими и историческими коннотациями. Объясняя выбор данного термина для описания нового явления мировой политики, Лепсхётц прямо ссылаясь на его популярность в демократизирующихся странах бывшего советского лагеря. «Наше нынешнее понимание гражданского общества, - писал он, - основывается на недавнем опыте Восточной Европы и бывшего Советского Союза, где данный термин применялся для описания тех аспектов социальной и культурной жизни общества, которые не были колонизированы тоталитарным государством».³¹

Однако востребованность идеологической интерпретации концепции гражданского общества в условиях восточноевропейской демократизации ещё не объясняет факта быстрого и успешного её проникновения в академический дискурс теории международных отношений эпохи глобализации. К примеру, популярный термин «неформалы» не вошёл в концептуальный аппарат теории международных отношений для обозначения транснациональных сетевых общественных движений, существующих без официального статуса и единого центра. Поэтому, с нашей точки зрения, основная причина быстрой и успешной интеграции концепции гражданского общества в теорию международных отношений состоит в её глубокой проработанности и содержательности.

Дело в том, что концепция гражданского общества, благодаря своей внутренней сложности и довольно высокой степени абстрактности за два века эволюции показала способность к преодолению различных кризисов и адаптации к изменению даже наиболее существенных характеристик политического процесса. Исходный латинский термин *societas civilis* в эпоху Нового времени обозначал мирное состояние общества, в котором нет войны, благодаря этому соблюдаются законы, и достигается определённый

³¹ *Lipschutz R. Op. cit. - P.391-392.*

уровень благополучия. В современных европейских языках похожее значение передаёт понятие «цивилизованное общество».

Новый смысл этому термину придал Адам Фергюсон, опубликовавший в 1767 году книгу под названием «Опыт истории гражданского общества».³² При этом развёрнутой концепции гражданского общества Фергюсон не представил, а само это понятие трактовал довольно расплывчатым образом, тем не менее, установив традицию разделения понятий гражданское общество и государство. Благодаря этому, «термин «гражданское общество» (*societas civilis*), который традиционно применялся для обозначения мирного политического строя, управляемого на основе закона, стал вместо этого использоваться для обозначения отдельной институциональной сферы жизни, не совпадающей с институтами государственной власти, существующими на данной территории».³³ Кроме того, в трактовке Фергюсона гражданское общество понималось ещё и как цивилизованное общество, управляемое на основе законов, и в этом смысле противостоящее варварским обществам, подчиняющимся исключительно силе.

В более акцентированном виде идея о необходимости разграничения гражданского общества и государства была выражена американским публицистом конца XVIII – начала XIX века Томасом Пейном. В своей книге «Здравый смысл» Пейн в предельно резкой форме противопоставил общество государству. «Общество, - писал он, - создается нашими потребностями, а правительство — нашими пороками; первое способствует нашему счастью положительно, объединяя наши благие порывы, второе же — отрицательно, обуздывая наши пороки; одно поощряет сближение, другое порождает рознь. Первое — это защитник, второе — каратель. Общество в любом своем состоянии есть благо, правительство же и самое лучшее есть

³² Фергюсон А. Опыт истории гражданского общества. - М.: РОССПЭН. - 2000.

³³ Кин Дж. Демократия и гражданское общество. - М.: Прогресс-Традиция. – 2001. - С.18.

лишь необходимое зло, а в худшем случае — зло нестерпимое».³⁴ Государство, согласно Пейну, постоянно посягает на базовые права человека, и задача общества состоит в том, чтобы не позволить государству выйти за рамки самых необходимых задач обеспечения безопасности. Гражданское общество, избавившись от угрозы деспотизма, способно раскрыть свой потенциал в полной мере и удовлетворять человеческие потребности на основе принципа добровольного взаимодействия, преимущественно в рамках рыночного обмена. Пейн утверждает, что гражданское общество исторически предшествует государству, и этот аспект его взглядов оказался востребован спустя два века теоретиками глобализации, поскольку глобальное гражданское общество уже заявляет права на существование, а глобальное государство, очевидным образом, отсутствует.

Для Иммануила Канта проблематика гражданского общества находилась, скорее, на периферии его обширной сферы научных интересов, но разработанная Кантом концепция мирового гражданства, основанного на универсальных правовых принципах (*jus cosmopoliticum*) даёт некоторым исследователям основание включить Канта в перечень отцов-основателей концепции глобального гражданского общества.³⁵

Вместе с тем, несмотря на всю важность и историческое значение работ Фергюсона, и, в особенности, Пейна, полноценная теоретическая модель гражданского общества была разработана уже в XIX веке немецким философом Г.В.Ф. Гегелем «Возможно, - отмечают авторы наиболее авторитетной современной обзорной работы по теории гражданского общества Джин Л. Коэн и Эндрю Арато, - гегелевская концепция гражданского общества была и не первой современной концепцией, но мы

³⁴ Пейн Т. Избранные сочинения / Под ред. М.П. Баскина. - М.: АН СССР. - 1959. - С. 21.

³⁵ См. Keane J. *Global Civil Society?* / *Global Civil Society yearbook 2001.* / Edited by Helmut Anheier, Marlies Glasius, and Mary Kaldor. - Oxford: Oxford University Press. – 2001. - P.25; Иванов В.Г. Глобальное гражданское общество: становление нового актора мировой политики. Часть 1. // Вестник РУДН, серия Политология. – 2010. - № 4. – С.108; Сергунин А. А. Иммануил Кант: роль в развитии теории международных отношений. - Saarbrücken: LAP LAMBERT Academic Publishing. - 2011. – С.38-39;

полагаем, что автором первой современной теории гражданского общества был Гегель».³⁶

В работе «Философия права», изданной в 1820 году, Гегель подробно охарактеризовал роль и место гражданского общества в социальной и правовой системе. Гражданское общество он определил как дифференциацию, «которая выступает между семьёй и государством, хотя развитие гражданского общества наступает позднее, чем развитие государства».³⁷ Тезис о том, что государство исторически предшествует гражданскому обществу, он обосновывает утверждением, что «гражданское общество создано... лишь в современном мире, который всем определениям идеи предоставляет их право».³⁸ В связи с дискуссиями о формировании глобального гражданского общества, тем самым, можно предложить гегельянскую стратегию аргументации, согласно которой формированию полноценного международного гражданского общества должно предшествовать создание действенной глобальной правовой системы, основанной на общечеловеческих ценностях.

Основной принцип гражданского общества, в понимании Гегеля, - эгоизм его членов. «В гражданском обществе каждый для себя – цель, всё остальное для него – ничто».³⁹ Но этот эгоизм не разрушителен, а созидателен, поскольку в соответствии с принципом «невидимой руки рынка» (на который, впрочем, Гегель открыто не ссылается), «индивид, заботясь в гражданском обществе о себе, действует также на пользу другим».⁴⁰

Гражданское общество, согласно Гегелю, включает в себя три элемента:

³⁶ Коэн Дж., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. - М.: Весь Мир. - 2003. - С.140.

³⁷ Гегель Г.Ф. Философия права. – М.: Мысль, 1990, С.228.

³⁸ Там же

³⁹ Там же.

⁴⁰ Гегель Г.Ф. Указ. соч., С.277.

«А) опосредствование потребности и удовлетворение единичного посредством его труда и посредством труда и удовлетворения потребностей всех остальных, систему потребностей;

В) действительность содержащегося в этом всеобщего свободы, защиты собственности посредством правосудия;

С) забота о предотвращении остающейся в этих системах случайности и внимание к особенному интересу как к общему с помощью полиции и корпораций».⁴¹

Выражаясь современным языком, три кита, на которых держится гражданское общество, - это рыночная экономика, правовое государство и система всеобщего благосостояния.

Любопытный поворот в гегелевской концепции гражданского общества связан с ролью, которую Гегель отводит сословиям - корпорациям, которые в начале XIX века представлялись многим не более чем феодальным пережитком, поскольку они являлись недобровольными ассоциациями, принадлежать к одной из которых гражданин вынуждался законом. Между тем, Гегель высоко ценил эти структуры, поскольку они воспитывали «добропорядочность и сословную честь, требующие, чтобы данный индивид, причём по собственному определению, сделался посредством своей деятельности, своего прилежания и умения членом одного из моментов гражданского общества».⁴² Более того, «говоря, что человек должен быть чем-нибудь, мы под этим разумеем, что он должен принадлежать к определённому сословию... Человек вне сословия – просто частное лицо».⁴³

Как мы увидим, акцент на роли ассоциаций несколько позже стал ключевым элементом теории гражданского общества. Но ассоциации с навязанным членством, а также очень сложными процедурами выхода из ассоциации или перехода в другую, обычно не рассматривались в качестве

⁴¹ Гегель Г.Ф. Указ. соч., С.233.

⁴² Гегель Г.Ф. Указ. соч., С.245.

⁴³ Там же.

позитивного элемента. Однако именно такие ассоциации играют доминирующую роль в политической системе современности. Речь идёт о национальных государствах, членство в которых (гражданство) в подавляющем большинстве случаев автоматически присваивается индивидам по праву рождения. Ещё в конце XIX века в ряде государств Европы началось формирование системы социального обеспечения, предоставляющего гражданам страны определённый набор социально-экономических прав и привилегий, недоступных гражданам иных стран и лицам без гражданства, даже легально пребывающим в стране. Спустя век идея ответственности государства за благосостояние граждан, включая обязательное предоставление гражданам ряда услуг и пособий (медицинских, образовательных, страховых и т.п.) стала восприниматься в качестве само собой разумеющегося элемента современного общественного договора, и трансформировалась в нормативные модели «государства всеобщего благосостояния» и «социального государства». Именно это обстоятельство оказывается важнейшим стимулом для международной миграции, поскольку индивиды и семьи стремятся получить доступ к правам и привилегиям богатых стран.

Определённые аналогии с системой позднего феодализма неизбежны. Корпорация, как её описывает Гегель, используя имеющий набор прав и привилегий, охраняет своих членов от превратностей судьбы, заботится об усовершенствовании их способностей, и в целом выступает «по отношению к ним как вторая семья».⁴⁴ Такого рода социальную структуру довольно сложно оправдать в рамках нормативной концепции прав человека, поскольку она предполагает неравенство, не зависящее от действий отдельного человека, и привязывает индивида к определённому социальному статусу в зависимости от случайностей его места рождения.

В той мере, в какой концепция глобального гражданского общества является нормативной, она вынуждена реагировать на создающуюся

⁴⁴ Гегель Г.Ф. Указ. соч., С.275.

ситуацию и предлагать решение проблемы «новой мировой сословности». Иначе говоря, ситуация напоминает проблему с сословиями и корпорациями в Европе эпохи раннего Модерна. Гегель занял по данному вопросу отчётливо консервативную позицию. «То, что в новейшее время упразднили корпорации, - писал он, - означает, что каждый человек должен сам заботиться о себе... В наших современных государствах граждане лишь в ограниченной мере принимают участие во всеобщих делах государства; однако нравственному человеку необходимо предоставить кроме его частной цели и деятельность всеобщую. Это всеобщее, которое современное государство не всегда ему предоставляет, он находит в корпорации».⁴⁵ Иначе говоря, принудительный опыт политического участия в деятельности ассоциации, согласно Гегелю, даёт больше преимуществ, чем создаёт проблем. «Не являясь членом правомочной корпорации ..., единичный человек лишён сословной чести, своей изолированностью он сведён в своей деятельности к своекорыстному аспекту промысла, его средства к существованию и потребление не обладают прочностью».⁴⁶ Нравственные нормы человек усваивает только в таком сообществе, на деятельность которого он в состоянии непосредственно влиять, то есть «в своём сословии член корпорации находит свою честь».⁴⁷ Более того, именно корпорация больше подходит на роль гаранта социального статуса, и страховки от превратностей рынка, поскольку «в корпорации помощь, получаемая бедными, теряет свой характер случайности, а равно и неправомерно унижительного, а богатство, исполняя свой долг по отношению к сообществу, не порождает высокомерия и зависти..., добропорядочность обретает здесь своё подлинное признание и подлинную честь».⁴⁸

Гегелевская аргументация, в применении к социальным государствам эпохи глобализации, просто переходит на уровень выше. Теперь

⁴⁵ Гегель Г.Ф. Указ. соч., С.277.

⁴⁶ Гегель Г.Ф. Указ. соч., С.276.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же.

нравственные нормы, вкупе с опытом политического участия человек приобретает в качестве гражданина социального государства. А сами государства всеобщего благосостояния, утрачивая часть суверенитета, но сохраняя за собой социальные функции, превращаются в базовый элемент глобального гражданского общества.

Важное эмпирическое дополнение к теоретической модели гражданского общества было сделано в работе французского политического теоретика Алексиса де Токвиля «Демократия в Америке», два тома которой вышли в свет, соответственно, в 1835 и 1840 годах. Токвиль обратил внимание на роль, которую в американской демократической системе играют добровольные ассоциации, активно участвующие в решении местных вопросов. Гражданин демократического американского государства, по мнению Токвиля, - в первую очередь член местного сообщества, «общины», и лишь во вторую очередь – гражданин государства. «Именно в общине – писал Алексис де Токвиль, – заключена сила свободных народов. Общинные институты играют для установления независимости ту же роль, что и начальные школы для науки; они открывают народу путь к свободе и учат его пользоваться этой свободой, наслаждаться её мирным характером. Без общинных институтов нация может сформировать свободное правительство, однако истинного духа свобод она так и не приобретёт».⁴⁹

Но и за пределами местных сообществ добровольные ассоциации в США, как заметил Токвиль, возникают значительно чаще, чем в современной ему Европе. «Американцы самых различных возрастов, положений и склонностей, - удивлялся он, - беспрестанно объединяются в разные союзы. Это не только объединения коммерческого или производственного характера, в которых они все без исключения участвуют, но и тысяча других разновидностей: религиозно-нравственные общества, объединения серьезные и пустяковые, общедоступные и замкнутые, многолюдные и насчитывающие всего несколько человек. ... И всегда там, где во Франции во главе всякого

⁴⁹ Токвиль А. Демократия в Америке. - М.: Прогресс. – 1992. - С.65.

нового начинания вы видите представителя правительства, а в Англии — представителя знати, будьте уверены, что в Соединенных Штатах вы увидите какой-нибудь комитет».⁵⁰ Именно этот гражданский активизм Токвиль выделял в качестве важнейшего элемента устойчивости американской демократии. «Самой демократической страной в мире, - резюмировал он, является та из стран, где в наши дни люди достигли наивысшего совершенства в искусстве сообща добиваться цели, отвечающей их общим желанием, и чаще других применять этот новый метод коллективного действия».⁵¹

Тем самым, в теории гражданского общества появился институциональный элемент, который позволил ей в дальнейшем претендовать на статус не только нормативной, но и эмпирической модели современного социально-политического устройства. Общественные организации, и в особенности, некоммерческие организации, независимые от государства и не стремящиеся к прибыли, превратились в своеобразную витрину гражданского общества, воплощая в себе его лучшие характеристики. В конце XX столетия именно деятельность негосударственных общественных объединений, способных действовать в масштабе всего мира, будет привлекать наибольшее внимание эмпирически ориентированных приверженцев концепции глобального гражданского общества.

В середине XIX столетия концепция гражданского общества стала довольно быстро утрачивать популярность. Абсолютистские полуфеодальные государства ещё существовали, но у них практически не осталось сторонников, способных всерьёз отстаивать привлекательность этой формы политической организации в качестве нормативной модели. Соответственно, использовать концепцию гражданского общества в качестве

⁵⁰ Токвиль А. Указ. соч., С.378.

⁵¹ Токвиль А. Указ. соч., С.379.

инструмента борьбы с традиционным абсолютизмом больше не имело смысла.

На политическую сцену уже выходили новые силы, для которых гражданское общество представляло собою лишь элемент отжившей свой век общественной системы, которую необходимо разрушить во имя торжества социальной справедливости. Для Карла Маркса проблематика гражданского общества в целом не была особенно значимой, но в одной из своих ранних статей «К еврейскому вопросу» он дал довольно уничижительную характеристику этому явлению. По его мнению, человек в гражданском обществе «действует как частное лицо, рассматривает других людей как средство, низводит себя самого до роли средства и становится игрушкой чуждых сил».⁵² Согласно Марксу, гражданское общество – это сфера эгоизма, где царит принцип «война всех против всех».⁵³ Важнейшим элементом понимаемого таким образом гражданского общества является право на частную собственность. Человек как член гражданского общества, – это индивид, замкнувшийся в себя, в свой частный интерес и частный произвол.⁵⁴ Сама идея отделения гражданского общества от государства также не вызывала симпатии Маркса. «Политическая эмансипация – писал он, – есть сведение человека, с одной стороны, к члену гражданского общества, к эгоистическому, независимому индивиду, с другой — к гражданину государства, к юридическому лицу».⁵⁵ Этому состоянию он противопоставлял свой позитивный идеал, сводившийся, по сути, к слиянию гражданского общества с государством.

Несмотря на то, что ряд теоретиков продолжали использовать концепцию гражданского общества в своих построениях,⁵⁶ период конца XIX

⁵² Маркс К. К еврейскому вопросу. / К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Издание второе. Т.1. – М. Государственное издательство политической литературы. – 1955. - С.391.

⁵³ Маркс К. Указ соч. - С.392

⁵⁴ Маркс К. Указ соч. - С.401.

⁵⁵ Маркс К. Указ соч. - С.406.

⁵⁶ в частности, в Великобритании сложилась собственная теоретическая традиция, идущая от Джона Милля до представителей школы английского плюрализма 1920-х годов,

– начала XX века в целом может быть охарактеризован, по утверждению Джона Кина, как эпоха забвения принципа гражданского общества.⁵⁷ Это утверждение, с нашей точки зрения, в целом верно, если рассматривать набравшее всё большую популярность левое направление политической мысли, в рамках которого, в свою очередь, доминировал марксизм.

Ситуация радикально изменилась после Второй мировой войны, когда широкую известность приобрели работы итальянского марксиста Антонио Грамши, написанные в 1930-х годах, и изданные впоследствии под названием «Тюремные тетради». Важнейший вклад Грамши в теорию гражданского общества состоял в его концепции гегемонии, как организационного и идейного доминирования, за которое противоборствующие социальные силы ведут борьбу в сфере гражданского общества с помощью сочувствующих им групп интеллектуалов. «Можно отметить пока, - писал Грамши, - два больших надстроечных «этажа»: этаж, который можно называть «гражданским обществом», то есть совокупность организаций, престолярно называемых «частными», и этаж «политического общества, или государства», которым соответствует функция «гегемонии» господствующей группы во всём обществе... Интеллигенты служат «приказчиками» господствующей группы, используемыми для осуществления подчинённых функций социальной гегемонии и политического управления,... для обеспечения «спонтанного» согласия широких масс населения с тем направлением социальной жизни, которое задано основной господствующей группой».⁵⁸

Как и многие другие классические версии теории гражданского общества, концепция Грамши, - отмечают Джин Коэн и Эндрю Арато, - «снискала себе печальную известность царящей в ней терминологической

включавшей и такую заметную фигуру, как Гарольд Ласки. См. *Bowden B. Civil society, the state, and the limits to global civil society. // Global Society. - April 2006. - Vol. 20. - №. 2. - P.167-168.*

⁵⁷ *Keane J. Introduction / Civil society and the state: new European perspectives. / Edited by John Keane. - London: Verso. – 1988. - P.1.*

⁵⁸ *Грамши А. Тюремные тетради. В 3 ч. Ч.1. – М.: Политиздат. – 1991. - С.332.*

путаницей».⁵⁹ Однако это обстоятельство не помешало, а возможно даже способствовало её популярности, поскольку предоставляло последователям широкий простор для создания различных версий и интерпретаций грамшианской модели. В конце XX века целый ряд теоретиков левого толка с разной степенью успеха применял концепцию гегемонии Грамши для объяснения процессов, происходящих в глобальном гражданском обществе и в сфере международных отношений в целом.⁶⁰ Кроме того, включая гражданское общество в область надстройки, Грамши тем самым отделил его от экономики, сделав в первый шаг в направлении трёхчастных или даже четырёхчастных схем социальной организации (государство – гражданское общество – экономика; государство – политическое общество – гражданское общество - экономика).

Эта идея оказалась очень выигрышной в контексте задачи конструирования постмарксистского политического дискурса. В сфере экономики, как и в сфере государства, присутствует принуждение, и обе эти сферы в конце XX столетия активистами левого толка воспринимались в качестве естественных противников, ответственных за возникновение множества трудноразрешимых социальных проблем. В противовес им, гражданское общество, трактуемое как совокупность добровольных ассоциаций, не стремящихся к прибыли и государственной власти, концентрирует в себе важнейшие элементы социалистического идеала, такие как свобода, равенство, справедливость и самоуправление.

В конце XX века теорию гражданского общества развивали и интерпретировали многие видные представители социальных и гуманитарных наук, даже самый беглый обзор идей которых выходит за рамки задач настоящей работы. Но нельзя не упомянуть о концепции

⁵⁹ Коэн Дж., Арато Э. Указ. соч. - С.206.

⁶⁰ См. Cox R. Gramsci, hegemony and international relations: An essay in method. // Millennium: Journal of International Studies. – 1983. - Vol. 12. - № 2. - P.162–175; Germain R., Kenny M. Engaging Gramsci: International relations theory and the new Gramscians. // Review of International Studies. – 1998. - Vol. 24. - №. 1. - P.3–21; Buckley K. Global Civil Society: The Dialectics of Concept and Reality. // Globalizations. – 2013. - Vol.10. - № 2. - P.231-244.

публичной сферы, разработанной немецким философом Юргеном Хабермасом. Понятие «публичной сферы» обозначало независимую от государства и большого бизнеса сферу распространения информации и критического обсуждения значимых для общественности социальных проблем. В эту сферу входили независимые СМИ, публичные библиотеки, музеи и прочие элементы социальной коммуникации. Согласно Хабермасу, публичная сфера была наиболее развита в эпоху становления европейского буржуазного общества, но постепенно пришла в упадок под воздействием давления со стороны государственной бюрократии и своекорыстного монополистического бизнеса.⁶¹ Эти идеи оказались исключительно востребованы теоретиками глобального гражданского общества, поскольку предлагали смысл деятельности международных негосударственных объединений и неформальных сетей.

Хабермас предполагал, что коммуникативная (не инструментальная) рациональность возникает в пространстве публичной сферы, свободном от колонизации со стороны бизнеса и государственной власти. В этом контексте напрашивается идея рассматривать глобальное гражданское общество, объединённое вокруг сети Интернет, как идеальное пространство публичной сферы. Отсутствие глобального государства в этом смысле является преимуществом, поскольку никто не в силах взять глобальную коммуникацию и пространство глобальной публичной сферы под свой контроль.⁶² В рамках данного подхода, даже если структуры глобального гражданского общества не способны в большинстве случаев эффективно влиять на решения правительств и транснациональных корпораций, они

⁶¹ *Habermas J.* The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society - Cambridge, MA: MIT Press. - 1989.

⁶² См. *Chandler D.* Deriving Norms from «Global Space»: The Limits of Communicative Approaches to Global Civil Society Theorizing // *Globalizations*. - June 2007. - Vol. 4. - No. 2. - P. 283–298.

создают глобальную публичную сферу и постепенно внедряют в сознание людей новые гуманистические и космополитические ценности.⁶³

Таким образом, по ряду ключевых позиций в интерпретации понятия гражданского общества теоретический консенсус к концу XX столетия не сложился. Сравним определения этого термина, данные ведущими теоретиками в этой области в работах, впервые увидевших свет в 90-х годах.

Эрнест Геллнер рассматривает гражданское общество как «совокупность различных неправительственных институтов, достаточно сильных, чтобы служить противовесом государству и, не мешая ему, выполнять роль миротворца и арбитра между основными группами интересов, сдерживать его стремление к доминированию и атомизации остального общества».⁶⁴ Кроме того «это общество, в котором государство и экономика образуют две чётко разделённые между собой сферы, причём государство носит инструментальный характер; контролируя индивидуальные интересы в их экстремальных проявлениях, оно само находится под контролем институтов, имеющих экономическую базу. Опираясь на экономическое развитие, оно требует постоянного развития знания, и потому исключает какую бы то ни было идеологическую монополию».⁶⁵ Очевидно, что здесь гражданское общество сначала интерпретируется Геллнером как часть социальной системы (гражданское общество противостоит государству), а затем как характеристика определённого типа социальной системы в целом (гражданское общество противостоит другим типам обществ). Интерпретация Геллнера, как мы видим, достаточно близка классической традиции теории гражданского общества, в версиях Фергюсона и Пейна.

⁶³ См. *Lupel A. Tasks of a global civil society: Held, Habermas and democratic legitimacy beyond the nation-state // Globalizations. – 2005. – Vol. 2. – №. 1. – P.117-133; Stanley T. Karl Barth and Jürgen Habermas: Transcendental aporias of Global Civil Society // Political Theology. – 2008. – Vol. 9. – №. 4. – P. 477-502.*

⁶⁴ Геллнер Э. Условия свободы: Гражданское общество и его исторические соперники. – М.: Ad Marginem. - 1995. - С.15.

⁶⁵ Геллнер Э., Указ. соч. – С.214.

С точки зрения Джона Кина гражданское общество - это «идеально-типическая категория ..., одновременно описывающая и предвосхищающая сложный и динамичный ансамбль охраняемых законом неправительственных институтов, которым присуща тенденция к ненасильственности, самоорганизации и саморефлексивности и которые находятся в постоянных тренингах друг с другом и с институтами государственной власти; последние же «оформляют», ограничивают и делают возможной их деятельность».⁶⁶ Кин делает акцент на позитивных ценностных характеристиках, приписываемых им институтам гражданского общества, что позволяет ему провозгласить расширение сферы компетентности гражданского общества с одновременным установлением более жёстких границ деятельности государства новой перспективной целью обновлённого социалистического движения.⁶⁷ Тем самым, Кин продолжает традицию использования понятия «гражданское общество» в качестве идеологического инструмента, продолжая в этом отношении линию Грамши.

Коэн и Арато, в свою очередь, понимают под гражданским обществом «сферу социальной интеракции между экономикой и государством, состоящую, в первую очередь, из сфер наиболее близкого общения (в частности, семьи), объединений (в частности, добровольных), социальных движений и различных форм публичной коммуникации».⁶⁸ По их мнению «необходимо и важно отличать гражданское общество от политического общества, являющегося сферой жизни партий, политических организаций и органов публичной политики (в частности, парламентов), а также от экономического общества, состоящего из организаций, занятых производством и распределением».⁶⁹ Проводя грань между гражданским обществом и экономикой, с одной стороны, а также политическим обществом, с другой стороны, Коэн и Арато, очевидно, продолжают линию

⁶⁶ Кин Дж. Демократия и гражданское общество. - М.: Прогресс-Традиция, 2001. - С.18.

⁶⁷ Кин Дж. Указ. соч. - С.32.

⁶⁸ Коэн Дж., Арато Э. Указ.соч. - С.7.

⁶⁹ Там же.

Грамши. Именно Грамши, по видимому, может быть признан наиболее востребованным на сегодняшний день теоретиком гражданского общества.

Симони Чэмберс и Джэффри Копстейн выделяют шесть основных стратегий осмысления проблемы гражданского общества в современной политической теории:

1. гражданское общество как сфера отдельная от государства;
2. гражданское общество в противостоянии с государством;
3. гражданское общество, дополняющее и поддерживающее государство;
4. гражданское общество в диалоге с государством;
5. гражданское общество как равноправный партнёр государства;
6. гражданское общество вне пределов государственной власти.⁷⁰

По их мнению, концепция глобального гражданского общества является естественной составной частью последнего направления исследований гражданского общества как уже вполне сложившейся субдисциплины социальной науки. Мы не можем вполне согласиться с этим взглядом, поскольку, как будет показано далее, в формировании концепции глобального гражданского общества значительную роль сыграли исследователи сферы международных отношений, и, если брать уже, феномена глобализации. Тем не менее, прямая преемственность концепции глобального гражданского общества по отношению к корпусу классических работ по проблематике гражданского общества и смежных направлений политической теории не вызывает сомнений.

Именно множественность и даже внутренняя противоречивость теорий гражданского общества способствовала ренессансу этой концепции в конце XX столетия. Как отмечают Хельмут Анхейер, Марли Класиус и Мэри Калдор: «одна из причин, позволяющих легко оспорить современную

⁷⁰ *Chambers S., Kopstein J. Civil Society and the State. / The Oxford Handbook of Political Theory. / Edited by John S. Dryzek, Bonnie Honig & Anne Phillips. - Oxford: Oxford University Press. - 2006. - P.364.*

трактовку гражданского общества – возможность опереться на различные классические теоретические варианты её толкования, в зависимости от ваших сегодняшних научных или политических предпочтений».⁷¹

Однако, богатство теоретической традиции, далеко не исчерпанное представленным выше кратким обзором, представляет лишь одну из причин востребованности концепции глобального гражданского общества в теоретических дискуссиях и публицистике конца XX века. Более существенное обстоятельство состоит в том, что в 70-х годах прошлого столетия понятие «гражданское общество» стало активно использоваться многими участниками политического процесса в разных странах. Коэн и Арато называют в числе этих политических сил польскую демократическую оппозицию (большей частью, связанную с движением «Солидарность»), французских «новых левых» (связанных с левым крылом социалистической партии), западногерманскую партию «зелёных» и латиноамериканское демократическое движение, боровшееся в эту эпоху против военных диктатур в регионе.⁷² С нашей точки зрения, в этот перечень необходимо включить неолиберальную критику излишеств государства всеобщего благосостояния и кейнсианской экономической доктрины, осуществлявшуюся различными экспертно-аналитическими центрами, близкими к консервативным партиям Европы и Северной Америки. Эта критика исходила из того, что «существуют два типа общественной эволюции: естественная, характеризующая процессы, протекающие в гражданском обществе, и искусственная, насаждаемая государством сверху. Благополучно обстоят дела в тех обществах, где гражданское общество активно, а государство пассивно. Там же, где активность государства довлеет, там не только насаждаются выморочные, искусственные социальные формы, но и подрываются механизмы естественной эволюции, наступает

⁷¹ *Anheier H., Glasius M., Kaldor M. Introducing global civil society. / Global Civil Society yearbook 2001. / Edited by Helmut Anheier, Marlies Glasius, and Mary Kaldor. - Oxford: Oxford University Press. – 2001. - P.12.*

⁷² *Коэн Дж., Арато Э. Указ. соч. - С.63-91.*

паралич гражданского общества».⁷³ Общим знаменателем этих направлений политического дискурса служил антиэтатизм, и восприятие гражданского общества как последнего бастиона, защищающего свободу от враждебных сил, захвативших в свои руки государственный аппарат. При этом представление о свободе, как и программа политических действий у сторонников различных политических сил могли быть порой прямо противоположными.

Ускорение глобализационных процессов в конце XX века перевело дискуссии о гражданском обществе в сферу международных отношений, добавив, тем самым в теорию гражданского общества новое измерение. Концепция глобального гражданского общества быстро развивалась, пройдя за два десятилетия несколько этапов в своей эволюции. Так Р. Фалк выделяет 3 фазы в развитии феномена глобального гражданского общества во второй половине XX века.

Первая фаза характеризовалась развитием международных связей неправительственных организаций и социальных движений, постепенно наращивавших возможности для координации своих действий. В какой-то момент этот процесс стало трудно игнорировать прочим действующим лицам мировой политики. Так в 1972 году в Стокгольме в период проведения Конференции ООН по проблемам окружающей среды, неправительственные организации из разных стран сумели организовать серию экологических форумов, затмивших в СМИ и общественном мнении значение официальных мероприятий. На глазах общественности зародилось глобальное экологическое социальное движение. Тем самым была поставлена под сомнение способность государственных органов адекватно воспринимать и отстаивать интересы граждан. В этот период рождающееся глобальное гражданское общество ограничивало свои задачи воздействием на национальные государственные и официальные международные структуры с

⁷³ *Панарин А.С.* Стиль «ретро» в идеологии и политике: (Критические очерки французского неоконсерватизма). – М.: Мысль. – 1989. - С.92.

целью добиться принятия мер по некоторым наиболее насущным социальным проблемам, таким как экология, защита прав человека и угроза ядерной войны.⁷⁴

Вторая фаза началась на закате Холодной войны, проявившись в формировании новых социальных движений, выступавших против традиционных структур национальных государств и связанных с ними политических институтов, в том числе политических партий, основанных на идеологиях эпохи Модерна. Одним из проявлений этой тенденции стали успехи движения зелёных в ряде европейских стран, в особенности, в ФРГ. Лозунги зелёных «ни Восток ни Запад», «ни направо, ни налево, но вперёд» отражали популярность представлений о необходимости разрыва с традицией противостояния политических лагерей как в рамках отдельных стран, так и на международном уровне. Новая волна глобальной демократизации во второй половине 80-х годов, казалось, перевела идею формирования нового демократического глобального устройства, основанного на демократии и соблюдении прав человека, из стадии благих пожеланий в практическую плоскость. Почти бескровная демократизация Восточной Европы (за исключением Югославии) и мирное разрушение системы апартеида в ЮАР демонстрировали потенциал пользующихся международной поддержкой ненасильственных демократических движений в борьбе с авторитарными политическими режимами и знаменовали переход к следующей фазе развития глобального гражданского общества.

Третья фаза развития глобального гражданского общества началась в 90-е годы на фоне окончательного завершения эпохи Холодной войны и резкого ускорения процессов глобализации, нашедших своё выражение, в частности в формировании Интернета, как глобальной информационной сети, резко снизившей организационные издержки координации между группами активистов из разных стран мира. Поскольку «за крахом

⁷⁴ *Falk R.* The changing role of global civil society. / Edited by G. Baker and D. Chandler / *Global Civil Society: Contested Futures.* - New York: Routledge. – 2005. - P.60-61.

коммунизма немедленно последовал кризис либеральной универсалистской морали»,⁷⁵ знаменем этой волны стали «антиглобализм» и идея защиты глобальной справедливости. Уличные протесты в Сиэтле в 1999 году во время встречи министров в рамках ВТО привлекли внимание СМИ и подтвердили доминирование активистов левого толка в антиглобалистском движении.⁷⁶ С этого момента протестное сопровождение крупнейших мероприятий межгосударственных структур и встреч на высшем уровне превратилось в своеобразный ритуал демонстрации сил мирового антиглобалистского движения. Продолжением этой тенденции стало ежегодное проведение смотров антиглобалистского движения в рамках Всемирного социального форума, начало которым было положено встречей в бразильском городе Порту-Алегри в январе 2001 года. Таким образом, в рамках третьей фазы эволюции глобального гражданского общества ведущая роль перешла к протестным социальным движениям, выступающим против так называемой «неолиберальной глобализации» в защиту интересов социальных слоёв, проигрывающих от изменений, приносимых процессами глобализации.⁷⁷

Характерно, что в рамках периодизации, предложенной Р. Фалком, акцент делается именно на роли протестных социальных движений, способных организовать мероприятия, привлекающие внимание мировых СМИ. При этом деятельность огромного массива структур гражданского общества, взаимодействующих друг с другом вне пределов национальных государств, но не преуспевших в производстве информационных поводов, оказывается за пределами анализа.

Очевидно, что рассмотрение глобального гражданского общества, как феномена реальной мировой политики не совпадает с анализом

⁷⁵ Гуморов В.А. Политическая культура и политическая власть в эпоху глобализации // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. - 2006. - Т. 2. - № 4. - С. 67.

⁷⁶ Santos B. The Rise of the Global Left: The World Social Forum and Beyond. - London: Zed Books. - 2006.

⁷⁷ Falk R. Op. cit. - P.63.

формирования и трансформации концепции международного гражданского общества. Концепция начала складываться в начале 90-х годов, когда глобальное гражданское общество достигло уже определённой степени зрелости. Но с этого момента взаимозависимость между событиями в реальном мире и их теоретическим осмыслением стала стремительно нарастать. Конец века в данном случае является не просто естественной символической границей, но и обозначает действительную точку перехода в эволюции концепции глобального гражданского общества.

Дело в том, что 2001 год ознаменовался двумя важными в контексте данной проблематики событиями. Во-первых, террористические акты 11 сентября 2001 года в США показали с предельной ясностью существование тёмной стороны глобального гражданского общества, составной частью которого, несомненно, являются и радикальные террористические сети, такие как «Аль-Каида». Последовавшая со стороны США реакция, включая войну против Ирака, начатую без санкции мирового сообщества и без учёта мирового общественного мнения, продемонстрировала, что наиболее мощные национальные государства по-прежнему остаются основными субъектами мировой политики в вопросах безопасности, а также войны и мира. Следовательно, практическое влияние глобального гражданского общества на мировой политический процесс остаётся пока очень незначительным.

Во-вторых, с 2001 года в Лондонской школе экономики стал выходить ежегодник «Глобальное гражданское общество», что явилось свидетельством перехода теории международного гражданского общества в стадию институционализации, с перспективой создания доминирующей парадигмы исследований и приближением к стадии «нормальной науки» в терминологии Томаса Куна.⁷⁸

В данной работе мы ограничимся рассмотрением начального этапа эволюции концепции международного гражданского общества на

⁷⁸ Кун Т. Структура научных революций. - М.: Прогресс. - 1977.

доинституциональной стадии развития этой формирующейся субдисциплины социальной науки. Работы более позднего периода привлекаются и используются в той мере, в какой они помогают раскрыть основные направления теоретических дискуссий о глобальном гражданском обществе в конце XX века, и выявить их историческое значение.

Необходимо отметить, что последнее десятилетие XX столетия отличалось характерной интеллектуальной атмосферой, в которой преобладали оптимизм и либеральные ценности. Идея «конца истории», выдвинутая Фрэнсисом Фукуямой, декларировавшая в неогегельянском духе завершение эпохи масштабных идеологических противоборств и победу либеральной демократии, приобрела множество сторонников. «Из всех видов режимов, которые возникали в мировой истории, - писал Фукуяма, - ... до конца двадцатого века только одна форма дожила неизменной, и это – либеральная демократия... Иными словами, для очень большой части нашего мира не существует идеологии с претензией на универсальность, которая могла бы бросить вызов либеральной демократии».⁷⁹ На этом фоне ряд исследователей пришёл к выводу о сокращении роли насилия в мировом политическом процессе и увеличении значимости идеологической и культурной гегемонии, трактуемой как «мягкая сила».⁸⁰

Кроме того, в 90-х годах стала стремительно меняться структура экономики в наиболее развитых странах мира. Здесь быстро выросла роль информационно-коммуникационных технологий, в то время как старые индустриальные отрасли постепенно переносили производство в развивающиеся страны, главным образом в Китай, приобретший статус сборочной мастерской мира. Экономисты всё чаще стали говорить о зарождении «новой экономики» в глобализирующемся мире.⁸¹ На фоне общего ослабления регулирующих возможностей национальных государств

⁷⁹ Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. – М.: АСТ. - 2004. – С.89.

⁸⁰ См. Нье J. Soft power // Foreign policy. – 1990. – № 80. – P. 153-171.

⁸¹ Мельянцева В. Информационная революция - феномен «новой экономики» // Мировая экономика и международные отношения. – 2001. – № 2. – С.3-10.

и воодушевления перспективами, открывшимися перед человечеством, активизировались усилия социальных теоретиков, нацеленные на создание новых позитивных идеологических проектов. Концепция глобального гражданского общества прилась, как раз, ко двору. Само выражение «гражданское общество», по утверждению некоторых специалистов, «стало своеобразным символом девяностых годов».⁸²

Именно в этот период стала складываться и приобретать первоначальные очертания теоретическая концепция глобального гражданского общества. Её становление происходило в процессе бурной полемики, в ходе которой выявилось несколько важнейших проблем, и были предложены основные версии их возможных решений.

Эмпирически ориентированные исследователи изучали взаимозависимость между различными элементами глобализационных процессов и формированием гражданского общества. В этом контексте неизбежно возникал вопрос о том, какое влияние на процесс глобализации могут оказывать структуры глобального гражданского общества, и каков потенциал глобального гражданского общества в ближайшей перспективе. Предложенные варианты ответов можно в предельно упрощённой форме охарактеризовать как оптимистический и пессимистический взгляды на перспективы этого нового феномена мировой политики.

Ряд авторов сконцентрировал своё внимание на нормативном аспекте концепции глобального гражданского общества. Появились попытки интегрировать эту концепцию в структуру различных идеологических течений, в частности, либерального, социалистического и коммунитаристского.

Исследователи институтов складывающегося глобального гражданского общества также выработали два конкурирующих подхода, которые можно назвать структурным и активистским. Приверженцы первого обращали внимание на количественный рост и качественную трансформацию

⁸² Кин Дж. Демократия и гражданское общество. - М.: Прогресс-Традиция. – 2001. - С.15.

взаимодействий негосударственных социальных объединений в глобальном пространстве, а сторонники второго акцентировали внимание на протестных социальных движениях и идейных позициях их активистов.⁸³ Именно «глобальный активизм» привлёк внимание СМИ к феномену глобального гражданского общества, и во многом повлиял на приоритеты научного анализа этой сферы.⁸⁴

Наконец, в контексте проблематики гражданского общества под новым углом были рассмотрены вопросы формирования нового планетарного сознания, создающего условия для новых форм социальных взаимодействий вне пределов государственных границ. Космополитические доктрины стали претендовать на роль конкурентов националистическим идеям как на уровне индивидуального сознания, так и в политическом процессе ряда стран. Это в особенности касается посткоммунистических обществ, в эволюции которых в конце прошлого века космополитизм претендовал на статус одного из основных полюсов идеологического пространства.

Эти и другие аспекты формирования теоретической концепции глобального гражданского общества будут в той или иной степени затронуты в следующих разделах настоящей работы. При этом мы считаем необходимым не только показать прямую и непосредственную взаимосвязь теоретической полемики с социальными, экономическими, культурными и политическими процессами, происходившими в конце XX столетия, но и выявить преемственность основных её элементов по отношению к классическому наследию политической теории.

Таким образом, на основании изучения возникновения и развития концепции глобального гражданского общества в конце XX века мы можем сформулировать следующие выводы:

⁸³ *Tarrow S.* The New Transnational Activism. - Cambridge: Cambridge University Press. - 2005

⁸⁴ *Beyeler M., Kriesi H.* Transnational protest and the Public Sphere // Mobilization: An International Journal. - 2005. - Vol. 10. - №. 1. - P. 95-109.

1. Начальный этап формирования концепции глобального гражданского общества пришёлся на 90-е годы XX столетия, когда этот термин быстро завоевал популярность, как в академической среде, так и среди политических аналитиков, журналистов и активистов общественных движений разного толка.
2. Основными предпосылками формирования этой концепции стали необходимость осмысления роли негосударственных структур в мировом политическом процессе эпохи глобализации, востребованность термина «гражданское общество» в антиавторитарном, и отчасти либеральном и социалистическом идеологических дискурсах в 70-х – 80-х годах, а также концептуальное богатство классической политической теории гражданского общества.
3. В числе основных предшественников теоретической концепции глобального гражданского общества можно назвать А. Фергюсона с его идеей цивилизованного гражданского общества, как сферы отдельной от государства; Т. Пейна, видевшего в гражданском обществе противовес государственной тирании; Г.В.Ф. Гегеля, сформировавшего полноценную теоретическую модель гражданского общества; А. де Токвиля, обратившего внимание на роль добровольных ассоциаций; А. Грамши, отделившего гражданское общество от экономики и рассматривавшего гражданское общество как сферу борьбы за политическую гегемонию; а также Ю. Хабермаса, разработавшего концепцию публичной сферы, как пространства свободной политической коммуникации.
4. Глобальное гражданское общество как эмпирический феномен мировой политики прошло во второй половине XX века несколько фаз в своём развитии. При этом теоретическая концепция глобального гражданского общества начала формироваться лишь

тогда, когда институциональный каркас глобального гражданского общества уже был создан.

5. В конце XX века теоретическая концепция глобального гражданского общества находилась на доинституциональной стадии развития этой формирующейся субдисциплины социальной науки, которая завершилась в 2001 году с началом издания профильного ежегодника в Лондонской школе экономики.
6. Исследователи глобального гражданского общества в ходе интенсивной теоретической полемики конца XX столетия, выделили ряд основных проблемных направлений для дальнейших исследований, включая взаимосвязь процессов глобализации и формирования глобального гражданского общества, выявление нормативного и идеологического аспектов этой концепции, изучение институциональной структуры глобального гражданского общества, а также осмысление роли космополитизма как основы индивидуального мировоззрения и как фактора политического процесса в ряде стран мира.

1.2. Международное гражданское общество как отражение глобализационных процессов

Очевидно, что теоретические дискуссии по проблемам глобального гражданского общества непосредственно связаны с восприятием глобализации, как одного из важнейших процессов современности. Под глобализацией мы будем понимать тенденцию интеграции и роста взаимозависимости социальных, экономических, политических и культурных аспектов жизни людей во всём мире. Процесс глобализации сопровождается относительным уменьшением значения отдельных государств и их возможностей контролировать социально-экономическое поведение граждан. Как отмечал уже в середине 90-х годов теоретик международных отношений Р. Кеохейн: «государство, оставаясь наиболее важным типом актора в мировой политике, уже не играет столь доминирующую роль, как это было в прошлом: возросло значение транснациональных отношений в противовес межгосударственным. Транснациональные формы коммуникации – от вещания на коротких волнах и спутников связи до Интернета – ослабили контроль государства над информационным потоком. Прямые иностранные инвестиции означают активное присутствие транснациональных корпораций во всех уголках мира. Исключительное понимание суверенитета как контроля над населением на чётко обозначенной территории поставлено под сомнение возможностями оказывать на государство воздействие извне для решения широкого круга проблем – от прав человека до охраны окружающей среды».⁸⁵ При этом не появилось других политических институтов, которые переняли бы полномочия, ушедшие из рук государств. Мирового правительства не существует, всемирные межгосударственные объединения в большинстве случаев играют роль, скорее, совещательных органов, способных принимать рекомендательные решения. В случае возникновения конфликта, к примеру,

⁸⁵ Кеохейн Р. Международные отношения вчера и сегодня. / Политическая наука: новые направления. / Под редакцией Р. Гудина и Х.-Д. Клингеманна. – М.: Вече. - 1999. – С.442.

между общественной организацией и транснациональной корпорацией, зачастую не обнаруживается никаких общепринятых процедур его правового разрешения. В данной ситуации недовольство существующим порядком вещей не удаётся направить в рамки традиционных политических институтов, таких как политические партии и парламенты. Инициативу в конструировании мировой повестки дня по вопросам глобализации стремятся взять в свои руки разнообразные протестные движения, чья роль стала особенно заметной в 90-е годы прошлого века.

В рамках процессов глобализации можно выделить несколько важнейших аспектов: экономический, информационный, культурный и политический.

Экономическую глобализацию, вслед за профессором Колумбийского университета Джагдишем Бхагвати, мы будем понимать как «интеграцию национальных хозяйств в общемировую систему посредством внешней торговли, прямых иностранных инвестиций (осуществляемых транснациональными корпорациями), потоков краткосрочного капитала, перемещения трудовых ресурсов и населения вообще, а также международного обмена технологиями».⁸⁶ В 70-х и 80-х годах прошлого века наиболее яркими проявлениями экономической глобализации стали упрощение режима международной торговли, снижение протекционистских барьеров и формирование региональных экономических сообществ.

Эти меры, увеличив конкуренцию, и снизив затраты потребителей, одновременно ударили по интересам работников ряда неконкурентоспособных сфер экономики различных стран мира, ранее чувствовавших себя надёжно защищёнными государственными протекционистскими барьерами.

В частности, в Северной Америке эти годы были отмечены серией массовых кампаний против создания на континенте зоны свободной торговли. В 1988 году канадские активисты левого толка протестовали

⁸⁶ *Бхагвати Дж.* В защиту глобализации. - М.: Ладомир. - 2005. - С.6.

против либерализации торгового режима между США и Канадой, опасаясь, что это вызовет сокращение рабочих мест, нанесет ущерб социальным программам и приведет к утрате культурной идентичности. Подписание соглашения о создании Североамериканской зоны свободной торговли (НАФТА) вызвало широкие протесты во всех странах континента, включая Мексику, которая, казалось бы, в наибольшей степени выигрывала от его принятия. В самом деле, сравнительно низкие издержки на оплату рабочей силы в сравнении со США и Канадой, превращали Мексику в привлекательное место для перемещения туда наиболее трудоёмких производств. Но на практике оказалось, что и Мексике нашлось немало недовольных договором. Против соглашения выступали как традиционные противники свободной торговли (профсоюзы, националисты, экологи), так и новые объединения, созданные для противостояния процессу создания НАФТА, такие как «Союз в защиту ответственной торговли» (Alliance for Responsible Trade), «Гражданская кампания против свободной торговли» (Citizens Trade Campaign) в США, мексиканская сеть гражданских действий против свободной торговли (RAMALK).⁸⁷

Противодействие свободной международной торговле в последующие годы превратилось в основной элемент требований международного протестного движения. На базе этого общего требования сформировались целые международные сети, в которые входят различные организации и движения, в частности: «Всемирная акция против свободной торговли и ВТО» (Action mondiale des peuples contre le libre-échange et l'OMC); Всемирные социальные форумы; Международный форум по проблемам глобализации (International Forum on Globalization); международное движение АТТАК, выступающее за введение налога на международные финансовые операции (т.н. «налог Тобина») (mouvement international

⁸⁷ Животовская И.Г. Неолиберальная глобализация и ее противники: к истории антиглобалистского движения. / Альтерглобализм и антиглобалистские движения в современном мире. – М.: ИНИОН РАН. - 2006. - С.8-9.

АТТАС); группы «Надзор над корпорациями» (Corporate Watch), «Надзор над глобальной торговлей» (Global Trade Watch) или «Надзор над ВТО» (WTO Watch).⁸⁸

Непосредственно примыкают к этой тематике требования запретить импорт продукции из стран, где не соблюдаются стандарты безопасности на производстве, экологические требования или эксплуатируется детский труд («Clean Clothes Campaign», «United Students Against Sweatshops»). Фактически речь идёт о защите рабочих мест в высокоразвитых индустриальных странах с высокими социальными гарантиями.

Транснациональные корпорации очень удачно вписались в «образ врага», поскольку они объединяют в себе традиционные черты капиталиста-эксплуататора, хищнически наживающегося за счёт сотрудников и потребителей, а также зловредного иностранца, не испытывающего уважения к обычаям и традициям страны.⁸⁹ Транснациональные корпорации, в восприятии широкой общественности, либо выкачивают из страны ресурсы и переводят их за рубеж, либо, наоборот, отнимают рабочие места у граждан страны, переводя их за рубеж, забывая о своей социальной ответственности. Больше раздражение вызывают только трудовые мигранты из менее развитых стран, которые, согласно распространённым стереотипам, опять же отнимают рабочие места, не платят налоги, не соблюдают законы, и не уважают культурных традиций, принявшей их страны. Но антииммигранские настроения не вошли в ценностное ядро формирующегося антиглобалистского движения.

Борьба с трудовой иммиграцией оказалась в числе основных приоритетов правых, и в особенности праворадикальных популистских партий, которые достаточно хорошо представлены в политическом процессе

⁸⁸ Животовская И.Г. Указ. соч. - С.12-13.

⁸⁹ Некоторые авторы используют в этом контексте традиционный марксистский термин «транснациональная буржуазия». См. *Жирнова Е. А.* Причины возникновения антиглобалистского движения //Вестник Сибирского государственного аэрокосмического университета им. академика МФ Решетнева. – 2007. – №. 2. – С.191.

многих стран мира, и, в особенности, стран Европейского союза.⁹⁰ Антиглобализм, напротив, является преемником радикальных левых движений, которые после краха реального социализма, лишились общего позитивного идеала, и, зачастую, утратили прямое институциональное политическое представительство в правительствах и парламентах. Однако радикальные левые сохранили устойчивые позиции в молодёжной и академической среде развитых стран, что позволило им достаточно быстро найти новые формы политической деятельности и новую идейную платформу для объединения широкого круга активистов. По утверждению Дж. Александера, активисты, придерживающиеся лево-либеральных взглядов (в американском политическом словаре это примерно соответствует европейским социал-демократическим позициям), и выступавшие в прежние времена против войны во Вьетнаме, и за всеобщее ядерное разоружение, теперь взяли на вооружение идею глобального гражданского общества.⁹¹

Эффективной формой деятельности для них стали публичные протесты, приуроченные к официальным политическим мероприятиям (таким как саммиты «большой восьмёрки», конференции ВТО и т.п.), а идейной платформой – критика «неолиберальной глобализации».⁹² Крупные политические партии редко включались в антиглобалистское движение. Единственным заметным исключением стала бразильская Партия трудящихся, благодаря поддержке которой в бразильском городе Порту-Алегри уже в начале нулевых годов прошла серия ежегодных Всемирных социальных форумов.

⁹⁰ См. *Kitschelt H.* The radical right in Western Europe: A comparative analysis. – Ann Arbor: University of Michigan Press. - 1997; *Norris P.* Radical right: Voters and parties in the electoral market. – Cambridge: Cambridge University Press. - 2005.

⁹¹ *Alexander J.* Global Civil Society. // *Theory, Culture & Society.* - May 2006. - Vol. 23. - № 2–3. - P.522.

⁹² *Gill S.* Globalization, market civilization, and disciplinary neoliberalism // *Globalization, Critical Concepts in Sociology: Globalization–Education and Management Agendas.* – 1995. – Vol. 42. – P. 256-281; *Cox R.* Civil society at the turn of the millennium: prospects for an alternative world order // *Review of international studies.* – 1999. – Vol. 25. – №. 1. – P. 3-28; *Went R.* Globalization: Neoliberal challenge, radical responses. – London: Pluto Press. -- 2000.

Тем не менее, организационная форма для антиглобалистского или альтерглобалистского (понимаемого как предпочтение альтернативных вариантов глобализации в противовес её неолиберальной версии) движения нашлась. Благодаря развитию интернет-коммуникации снизились организационные издержки на поддержание контактов между единомышленниками. Стала возможной успешная координация действий активистов без формирования официальных структур, выборов руководящих органов и принятия обязательных резолюций. На их место пришли разреженные сетевые сообщества, без чёткой формальной иерархии, но со своим активом, способным на быструю мобилизацию. В тех случаях, когда движению нужна была поддержка со стороны официальных структур, её с готовностью оказывали международные и национальные неправительственные организации левого толка, включая профсоюзы и экспертные центры. Так в 1999 году в Сиэтле во время проведения Генеральной ассамблеи Всемирной Торговой Организации (ВТО) состоялась крупнейшая антиглобалистская протестная акция 90-х годов. Основную роль в её подготовке сыграла неформальная организация под названием «Сеть прямого действия» (DAN – Direct Action Network), но в числе организаторов выступило также крупнейшее профсоюзное объединение США Американская федерация труда – Конгресс производственных профсоюзов (АФТ-КПП).⁹³

Впрочем, важно отметить, что, несмотря на идейную преемственность англобалистского движения по отношению к левому социалистическому дискурсу, его собственный идейный облик базировался, скорее, на анти-элитарных идеях с упором на широкое демократическое участие. Эта концепция получила известность под названием «глобализация снизу».⁹⁴

⁹³ *Агитон К.* Альтернативный глобализм: Новые мировые движения протеста. - М.: Гилея. – 2004. – С. 8.

⁹⁴ *Falk R.* Resisting «globalisation-from-above» through «globalisation-from-below» // *New Political Economy.* – 1997. – Vol. 2. – №. 1. – P. 17-24; *Kellner D.* Globalisation from below?

Кроме того, отказ от создания собственных партий и участия в выборах позволил антиглобалистам отмежеваться от политики, понимаемой как борьба за власть, и претендовать на выражение интересов гражданского общества.

Такое решение оказалось очень удачным. Как отмечал Мигуэль де Оливейра: «Поскольку наша планета приобретает статус «глобальной деревни» лидеры общественного мнения в разных частях земного шара всё чаще вдохновляются перспективой создания «глобального гражданского общества», понимаемого как гарантия свободы от угнетения, невежества и крайней нужды».⁹⁵ Глобализация снизу, осуществляемая усилиями глобального гражданского общества, представляла собой более привлекательный и мобилизующий лозунг, чем защита протекционистских барьеров от зловердных неолибералов, выступающих в поддержку принципа свободной международной торговли.

Кроме того, этот лозунг не был напрямую привязан к экономике и позволял выстраивать стратегии также по отношению к другим аспектам глобализации, в том числе культурным. Культурная глобализация непосредственно связана с экономикой, но она проявляется в выраженной символической форме. «Наиболее известными символами глобализации, - утверждают Дэвид Хелд и его коллеги по одному из наиболее авторитетных исследовательских проектов в сфере изучения глобальных трансформаций конца XX столетия, - являются Кока-Кола, Мадонна и новости на Си-Эн-Эн. Каковы бы ни были причины и практическая значимость этих явлений, можно не сомневаться, что одной из наиболее воспринимаемых и остро ощущаемых форм глобализации является культурная».⁹⁶

Toward a radical democratic technopolitics //Angelaki: Journal of the Theoretical Humanities. – 1999. – Vol. 4. – №. 2. – P. 101-113.

⁹⁵ Oliveira M. The case for global civil society //National Civic Review. – 1995. – Vol. 84. – №. 2. – P.130.

⁹⁶ Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э., Перратон Дж. Глобальные трансформации. – М.: Праксис. - 2004. - С.386.

Питер Бергер выделил 4 основных элемента культурной глобализации: 1) распространение единых культурных стандартов глобального бизнеса (Давосская культура); 2) клубная культура интеллектуалов; 3) массовая потребительская культура (культура Биг Мака); 4) культура массовых общественных движений, в том числе религиозных.⁹⁷ Очевидно, что восприятие культурных изменений, связанных с процессом глобализации может быть очень разным, и варьироваться в диапазоне от полной поддержки до полного отторжения.

Попытки противодействия глобализации и защиты национальной культуры от враждебного поглощения глобальной культурой предпринимались правительствами многих стран. Наиболее известным примером является французская политика «культурной исключительности», разработанная ещё в 1959 году Андре Мальро, министром культуры в правительстве де Голля. Она включала в себя как прямое государственное субсидирование производства национальной культурной продукции, в особенности кинофильмов, так и введение специальных квот, обеспечивавших достойное место фильмам французского производства в кинопрокате и на телевидении.⁹⁸ Эта политика не увенчалась особенным успехом, поскольку культурный протекционизм, как и другие виды протекционизма, имеет сугубо оборонительный характер, и обычно не способствует достижению глобальной конкурентоспособности. Французский кинематограф с трудом конкурирует с продукцией Голливуда. Однако политика «культурной исключительности» и её аналоги пользуется устойчивой поддержкой достаточно широкого сегмента общественности, что позволяет сделать вывод о возможности формирования международных движений и коалиций, нацеленных на борьбу с культурной глобализацией. Отторжение культурной глобализации часто связано с её трактовкой в

⁹⁷ Бергер П. Введение: культурная динамика глобализации. / Многоликая глобализация / Под ред. П. Бергера и С. Хантингтона. — М.: Аспект Пресс. - 2004. - С.14.

⁹⁸ Косенко С. М. О франко–американских противоречиях в области культуры //Вестник МГИМО Университета. – 2012. – №. 1.- С.98-107.

качестве элемента «американизации» или даже «культурного империализма» Запада, угрожающего национальной идентичности развивающихся стран.⁹⁹

Вместе с тем, проблема культурной глобализации более сложна для восприятия, в сравнении с экономической глобализацией. Во-первых, здесь не обнаруживается очевидного претендента на роль всеобщего врага, которую в экономике выполняют глобальные корпорации. Иногда на эту роль пытаются примерить Голливуд, но эти попытки не находят всеобщего одобрения. Во-вторых, исторически культурная глобализация являлась задачей, выполнявшейся с большим успехом очень своеобразными некоммерческими общественными организациями. Речь идёт о церквях, прежде всего христианских, которые вели миссионерскую деятельность по всему миру, и претендовали на роль глобальных организаций, ведущих деятельность во всех регионах мира, и внедряющих своей пастве универсальную систему религиозных ценностей. По мнению Питера Бергера «евангелический протестантизм, особенно пятидесятничество, является наиболее серьезным массовым движением, которое служит (в основном непреднамеренно) средством культурной глобализации. Это огромное по своему размаху движение, охватывающее широкие просторы Восточной и Юго-Восточной Азии, острова Тихого океана, африканские страны, расположенные южнее Сахары, и особенно Латинскую Америку. Английский социолог Дэвид Мартин, который много лет посвятил изучению этого явления, установил, что во всем мире насчитывается по меньшей мере 250 миллионов сторонников этого движения».¹⁰⁰ Именно протестантские церкви раньше других осознали себя частью глобального гражданского

⁹⁹ Tomlinson J. Cultural imperialism. – London: Blackwell. – 1991; Roach C. Cultural imperialism and resistance in media theory and literary theory // Media, Culture & Society. – 1997. – Vol. 19. – №. 1. – P. 47-66.

¹⁰⁰ Бергер П. Указ. соч. - С.14

общества и оказались способны выработать ядро своей политической позиции.¹⁰¹

Политическое влияние транснациональных религиозных организаций в некоторых случаях оказывает решающее воздействие на трансформацию политического процесса в некоторых странах. Так религиозные организации, входившие во Всемирный совет церквей, смогли успешно координировать действия своей паствы с целью создания предпосылок для мирного перехода от системы апартеида к демократии в ЮАР.¹⁰²

Не только христианские церкви успешно используют возможности, предоставляемые глобализацией для увеличения числа приверженцев своей религиозной доктрины. Адепты учения индийского религиозного лидера Саи Бабы утверждают, что оно насчитывает десятки миллионов приверженцев и две тысячи центров в 137 странах. По мнению индийского исследователя Т. Шриниваса, «движение Саи Бабы имеет успех потому, что поощряет синкретизм и создает сообщество единоверцев, включая в свой состав представителей разных религий. Сатья Саи Баба поощряет следование своих приверженцев собственным религиозным традициям, и в этом его уникальность. Так, Баба заявляет: «Я подтверждаю все имена, которые Человек использует для почитания божественного... Продолжайте поклоняться избранному вами Богу сообразно со своими традициями. Тогда вы поймете, что все больше и больше приближаетесь ко МНЕ. Потому что все имена — мои, и все формы — тоже мои». Поэтому его приверженцы не ощущают того, что должны сделать выбор между различными религиями: преданность Бабе представляется выбором образа жизни, выбором, который никоим образом не угрожает первоначальным религиозным убеждениям

¹⁰¹ *Raiser K.* The World Council of Churches and international civil society //The Ecumenical Review. – 1994. – Vol. 46. – №. 1. – P. 38-44.

¹⁰² *Warr K.* The normative promise of religious organizations in global civil society //Journal of Church and State. – 1999. – Vol. 41. – №. 3. – P. 499-523.

приверженца».¹⁰³ Этот гибкий подход к вопросам культурной и религиозной идентичности позволяет религиозным движениям нового типа успешно конкурировать с традиционными конфессиями в разных странах мира.

Таким образом, реакция на культурную глобализацию оказалась не столь негативной, как реакция на экономическую глобализацию, и значительный сегмент транснациональных общественных движений религиозного толка составляет важную часть глобального гражданского общества, не являясь, при этом элементом протестного антиглобалистского движения.

Ускорение процессов культурной глобализации в конце XX века непосредственным образом связано с коммуникационной революцией, наиболее зримым проявлением которой является формирование всемирной компьютерной сети Интернет. Очевидно, что упрощение и удешевление коммуникации между жителями разных стран и регионов мира стало важным фактором формирования новых международных неправительственных организаций и социальных движений, составивших каркас глобального гражданского общества.¹⁰⁴ В начале XXI века стремительное развитие Интернет – технологий и сопутствующей деловой инфраструктуры создало возможности для появления полноценных социальных движений на базе групп по интересам, создаваемых в компьютерных социальных сетях, а также мобилизации ресурсов участников сетевых движений с помощью массового Интернет-фандрайзинга, ориентированного на мелких спонсоров.

Но уже в 90-х годах можно было уверенно утверждать, что в мире впервые создано единое коммуникационное пространство. Как нация, согласно Бенедикту Андерсону, была воображаемым сообществом,

¹⁰³ *Шринивас Т.* Свидание с судьбой: индийский вариант культурной глобализации. // Многоликая глобализация / Под ред. П. Бергера и С. Хантингтона. — М.: Аспект Пресс. - 2004. - С.114.

¹⁰⁴ *Frederick H.* Computer networks and the emergence of global civil society //Global networks: Computers and international communication. / Edited by Linda M. Harasim. – Cambridge, Massachusetts: The MIT Press. - 1993. – P. 283-295.

созданным печатными СМИ,¹⁰⁵ так и человечество становится воображаемым сообществом эпохи Интернета.¹⁰⁶

На этой основе естественным образом возникают идеи о том, что человечеству, осознавшему себя как единое целое, необходима общая система универсальных правовых норм, и аппарат управления, способный внедрить эти нормы в жизнь, в некоторых случаях преодолевая сопротивление национальных государств. Ряд исследователей международной политики, в числе которых можно выделить Ронни Лепсхётца и Скотта Тёрнера отстаивали позицию, о том, что формирование глобального гражданского общества означает начало перехода к новому «пост-вестфальскому» состоянию мировой политики, в которой суверенитет отдельных государств будет эффективно ограничен нормами международного права.¹⁰⁷

При этом Лепсхётц рассматривал формирование глобального гражданского общества как реальный исторический процесс, состоящий из трёх взаимосвязанных изменений: вытеснение принципа анархии в межгосударственных отношениях идеей глобального управления на основе общих норм потребительской культуры; неспособностью отдельных государств справиться своими силами с рядом проблем глобального характера; ослаблением старых форм политических идентичностей, базирующихся на идеях национального государства и возникновением альтернативных политических идентичностей.¹⁰⁸

По его мнению, международная система, основанная на принципе анархии, постепенно трансформируется в систему, основанную на общих

¹⁰⁵ *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. - М.: КАНОН-пресс-Ц. - 2001.

¹⁰⁶ *Chandler D.* Deriving Norms from “Global Space”: The Limits of Communicative Approaches to Global Civil Society Theorizing. // *Globalizations*. - June 2007. - Vol. 4. - №. 2. - P.284.

¹⁰⁷ *Lipschutz R.* Op. cit. - P. 389–420; *Turner S.* Global civil society, anarchy and governance: assessing an emerging paradigm // *Journal of Peace Research*. - 1998. - Vol. 35. - №. 1. - P. 25-42.

¹⁰⁸ *Lipschutz R.* Op.cit. - P.392.

политических нормах. Лепсхётц ссылался на интересную аналогию между международной политикой и сферой компьютерных технологий.¹⁰⁹ Казалось бы, на рынке персональных компьютеров царит анархия. Ни одна фирма не доминирует на рынке, многообразие брендов поддерживается жёсткой конкуренцией между ними. Но в сфере программного обеспечения наблюдается прямо противоположная картина. Хотя операционных систем существует довольно много, и никто не вынуждает потребителей отдавать предпочтение одной из них, большинство пользователей выбирает Windows от фирмы Microsoft по соображениям совместимости с компьютерами других пользователей и программами, разработанными для этой операционной системы. Своеобразная гегемония одной операционной системы на рынке достигается естественным путём.

Спустя 20 лет после публикации работы Лепсхётца мы знаем, что с течением времени Microsoft утратила господство на рынке операционных систем для компьютерных устройств всех типов, уступив пальму первенства Apple, хотя сохранила преимущество в производстве софта для персональных компьютеров.¹¹⁰ Однако анархии на рынке операционных систем по-прежнему не наблюдается. Основные конкуренты на рынке вынуждены заботиться о совместимости своих программных продуктов. Таким образом, в системе, предполагающей интенсивную коммуникацию между участниками взаимодействий, весьма вероятно возникновение общих ценностей и принципов, господствующих в коммуникации. Иначе говоря, возникновение общих ценностных норм для государств и прочих участников политического процесса в глобализирующемся мире представляет собой вполне возможный вариант развития событий.

Однако, и сама трактовка этих норм и, тем более, принципы их применения на практике в отсутствие полноценных всемирных политических

¹⁰⁹ Lipschutz R. Op. cit. – P.392

¹¹⁰ Apple обошла Microsoft на рынке операционных систем. 23.01.2013.

<http://www.macdigger.ru/macall/apple-oboshla-microsoft-na-rynke-operacionnyx-sistem.html>

институтов, способных контролировать применение легитимного насилия, неизбежно вызывали острые споры, как в академическом сообществе, так и в средствах массовой информации. Сам Лепсхётц отводит роль доминирующей «операционной системы» мировой политики либерализму, что в 1992 году в целом соответствовало действительности, или, по меньшей мере, отражало доминирующую тенденцию в мировом общественном мнении.¹¹¹ Впрочем, с течением времени ситуация изменилась, и это в особенности заметно применительно к дискурсу активистов глобального гражданского общества.

На уровне наиболее очевидных гуманитарных вопросов неправительственные организации, опирающиеся на общественное мнение, смогли достичь консенсуса и организовать эффективное воздействие на государственные и международные политические институты. Они, в частности, внесли значительный вклад в борьбу за принятие договоров, запрещающих химическое оружие и противопехотные мины.¹¹²

Но вмешательство в этнические конфликты и гражданские войны против воли руководства суверенных государств, нередко раскалывает мировое общественное мнение по границам, обозначенным Сэмюэлом Хантингтоном в его известной книге «Столкновение цивилизаций».¹¹³ Так называемые «гуманитарные интервенции»¹¹⁴ зачастую являются произвольным вмешательством в конфликт в пользу одной из его сторон.

Тем не менее, на нормативном уровне концепция всеобщего права постепенно проникает не только в общественное сознание, но и в правовую практику, хотя пока, скорее на региональном, чем на глобальном уровне. К примеру, Европейский суд по правам человека продолжает эффективно работать, несмотря на периодически возникающие противоречия между

¹¹¹ Lipschutz R. Op.cit. – P.393.

¹¹² Warkentin C., Mingst K. International institutions, the state, and global civil society in the age of the World Wide Web //Global Governance. – 2000. – Vol. 6. – P. 237-257.

¹¹³ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ. - 2003.

¹¹⁴ Грохотова В.В. Становление и развитие концепции «гуманитарной интервенции». // История государства и права. - 2010. - № 5. - С. 8-12.

странами, подписавшими соглашение о его деятельности.¹¹⁵ Однако говорить о перспективах формирования действенной правовой системы глобального уровня пока преждевременно.

Таким образом, на основании анализа формирования глобального гражданского общества, как отражения процессов глобализации, мы можем сформулировать следующие выводы:

1. В рамках процессов глобализации мы выделяем 4 наиболее важных аспекта, имеющих отношение к формированию глобального гражданского общества: экономический, информационный, культурный и политический.
2. Протест против экономической глобализации вызвал к жизни антиглобалистское движение, которое смогло привлечь к своим акциям внимание СМИ и широкой общественности, претендуя на выражение ценностей глобального гражданского общества.
3. Культурная глобализация не только вызвала к жизни протестные движения в защиту национальной самобытности, но и способствовала росту влияния традиционных транснациональных культурных организаций и движений, в особенности религиозного толка.
4. Информационно-коммуникационная технологическая революция конца XX века, наиболее зримым воплощением которой стала всемирная сеть Интернет, способствовала резкому ускорению экономической и культурной глобализации, но в конце XX века дала лишь относительно слабый импульс формированию транснациональных общественных движений.
5. Требования создания глобальной правовой системы на основе универсальных ценностей, выдвинутые некоторыми специалистами в сфере международных отношений в конце XX века пока не

¹¹⁵ *Чертов А.А.* К вопросу о наднациональности Европейского суда по правам человека. // Современное право. - 2007. - № 9-1. - С. 89-92.

привели к существенным практическим результатам, и о формировании полноценного глобального гражданского общества, способного влиять на процессы глобального управления, говорить ещё рано.

1.3. Глобальное гражданское общество как идеологический феномен

За последние 20 лет концепция глобального гражданского общества приобрела немалую популярность, как в академическом сообществе, так и в дискурсе средств массовой информации и активистов социальных движений. Начиная с 2001 года в Лондонской школе экономики выходят ежегодники под названием «Глобальное гражданское общество», что свидетельствует о переходе к фазе институционализации этой субдисциплины социального знания. Вместе с тем, научный статус данной концепции пока не вполне ясен. Является ли она отражением определённого аспекта реальности, возникшего на фоне ускорения процессов глобализации? Или речь идёт о нормативной модели, отражающей представление политических теоретиков и определённого сегмента общественности о сфере должного?

Можно ли описать глобальное гражданское общество как сферу деятельности негосударственных объединений во всём мире, или нужно говорить только о транснациональных общественных движениях и неправительственных организациях? Или глобальное гражданское общество, - это идеал, воплощающий представления о лучшем мире, созданном в результате успешно осуществлённой стратегии альтернативной глобализации (глобализации снизу в противовес «неолиберальной глобализации транснациональных корпораций»)? Очевидно, что на все эти вопросы можно дать разные ответы в зависимости от политических и ценностных пристрастий исследователей, а также подкрепить каждый вариант ответа рациональной эмпирической аргументацией.

Между тем, развитие концепции глобального гражданского общества предоставляет нам хорошую возможность, чтобы попытаться понять и наглядно продемонстрировать, где проходят границы между эмпирической политической теорией, нормативной политической философией и идеологией. Эта проблема давно привлекает внимание специалистов в сфере

политической философии, стремящихся разграничить либо, напротив, соединить ценностно-ориентированную политическую теорию и открытый идеологический дискурс.¹¹⁶ Как утверждал Лео Штраус: «Политическая философия - это, с одной стороны, попытка выяснить истинную природу политических вещей, а с другой, - узнать, что собой представляет правильный или хороший политический порядок».¹¹⁷ Эти две задачи не всегда легко сочетаются друг с другом. Первая из них объединяет политическую философию (нормативную политическую теорию) с эмпирической политической наукой, а вторая с идеологией. Этим обусловлено промежуточное положение нормативной политической теории в политическом дискурсе и необходимость постоянно отстаивать свой предмет от покушений со стороны политической науки и злоупотреблений со стороны идеологии.

Очевидно, что все политические концепции могут быть интегрированы как в нормативные теории, так и в идеологические построения. Как отмечали Теренс Болл, Джейс Фарр и Рассел Хансон «изменение концепций, составляющих наш политический язык, означает ни больше, ни меньше, чем изменение нашего мира».¹¹⁸ Идеологии, стремящиеся изменить мир, в первую очередь меняют язык, используемый для его описания. Под идеологией мы будем понимать систематическое обоснование определённого политического курса, в рамках которого ценности связаны с интересами социальных групп. Гражданское общество, является примером нормативной политической концепции, которая довольно широко использовалась в идеологическом дискурсе различных политических сил в второй половине XX века, в частности диссидентских групп Восточной

¹¹⁶ См. *Алексеева Т.А.* Современные политические теории. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН). - 2000. — С. 12; *Эшкрафт Р.* Политическая теория и проблема идеологии. / Политическая теория в XX веке: Сборник статей. — М.: Издательский дом «Территория будущего». - 2008. — С. 364-386.

¹¹⁷ *Штраус Л.* Введение в политическую философию. - М.: Логос, Праксис. - 2000. — С.11.

¹¹⁸ *Political Innovation and Conceptual Change / Edited by Terence Ball, James Farr, and Russell L. Hanson.* - New York: Cambridge University Press. - 1989. — P.IX.

Европы и демократической оппозиции латиноамериканским авторитарным режимам.¹¹⁹ В российском контексте посткоммунистической политики концепция гражданского общества вполне осознанно применялась в качестве инструмента для обоснования ряда «антиэтатистских» мероприятий, что не отрицает её аналитических возможностей для интерпретации российского политического процесса.¹²⁰ При этом, не представляется возможным согласиться с позицией Хакана Секилхельгена, трактующего гражданское общество, исключительно как метафору западного либерализма.¹²¹ С нашей точки зрения, концепция гражданского общества при определённых условиях способна органично встраиваться в идеологическую аргументацию консервативного, коммунитаристского и социалистического толка. Как отмечает Владимир Гуторов, идея гражданского общества может восприниматься «в трёх основных смыслах: а) в качестве лозунга различных движений и партий; б) как аналитическая концепция для описания и интерпретации тех определённых форм социальной организации (на макро- и микроуровне), которые ассоциируются с идеями демократии и гражданства; в) в качестве философской нормативной концепции, этического идеала, представления о некоем идеальном общественном порядке».¹²² Во втором варианте концепция гражданского общества действительно содержит коннотации, отсылающие к идеям либеральной демократии. Но и в качестве лозунга, и в качестве нормативного идеала гражданское общество вполне совместимо с такими ценностями как справедливость, сообщество и апелляциями к национально-культурной специфике.

¹¹⁹ См. Коэн Дж., Арато Э. Указ соч.

¹²⁰ Максименко В. Идеологема civil society и гражданская культура //Pro et Contra. - Зима 1999. - Т.4. - № 1. – С.113 – 128; Гончаров В.Э. Гражданское общество как идеологема //Гражданское общество: первые шаги. - СПб.: Норма. - 1999. - С. 39-43; Кирдина С. Г. Гражданское общество: уход от идеологеми //Социологические исследования. – 2012. – №. 2. – С.63-73.

¹²¹ Seckinelgin H. Civil society as a metaphor for western liberalism //Global society. – 2002. – Vol. 16. – №. 4. – P. 357-376.

¹²² Гуторов В.А. Современные концепции гражданского общества. / Политика: наука, философия, образование. – СПб.: СПбГУ, Факультет Политологии. - 2011. – С.395.

При переносе концепции гражданского общества на глобальный уровень описанные проблемы не утрачивают актуальности. Идеологический контекст востребованности данного термина был очевиден с самого начала. Основатель нормативной традиции анализа трансформации мировой политики с учётом формирования глобального гражданского общества Ронни Лепсхётц прямо ссылаясь на его популярность в демократизирующихся странах бывшего советского лагеря.

Наряду с этим, необходимо указать на два важных фактических обстоятельства, способствовавших популярности концепции. Во-первых, в 70-х-80-х годах в мире начался бурный рост числа неприбыльных неправительственных организаций, названный Лестером Саламоном «революцией ассоциаций».¹²³ Деятельность значительной части из них имела международный характер. С 1960 по 1997 год число международных НПО выросло более чем в десять раз до приблизительно 16 тысяч.¹²⁴ Эти организации, естественно, стремились оказывать влияние на принятие решений государственными органами власти и различными международными институтами. Во-вторых, крах коммунистической идеологии и ликвидация советского военно-политического блока в Восточной Европе кардинальным образом изменили глобальную повестку дня. Теперь мировые социальные проблемы уже не рассматривались, прежде всего, в контексте противостояния сверхдержав. Старый фрейм восприятия исчез, а нового сразу же не возникло. Вакуум концептуальных интерпретаций был отчасти заполнен стараниями транснациональных неправительственных организаций, многие из которых поддерживали идею международного сотрудничества на базе универсальных общечеловеческих ценностей.

¹²³ *Salomon L.* The rise of the nonprofit sector // *Foreign Affairs*. – 1994. – Vol. 73. – №. 4. – P. 109-122.

¹²⁴ *Бхагвати Дж.* В защиту глобализации. – М.: Ладомир, 2005. – С.358.

Таким образом, в новой политической ситуации голос неправительственных организаций стал звучать громче, а возможности их влияния на принятие решений выросли. Для нового феномена мировой политики требовалось название, и термин «глобальное гражданское общество» быстро прижился.

Вместе с тем, эта концепция содержала и очевидный нормативный элемент.¹²⁵ Луи Амур и Пол Лэнгли выделили 3 основных смысловых контекста, использования термина «глобальное гражданское общество»: 1) особое социальное пространство, 2) совокупность добровольных ассоциаций, 3) движущая сила социальных изменений.¹²⁶ Очевидно, что третье значение может трактоваться прямо противоположным образом в зависимости от политических предпочтений. Так, с точки зрения авторов популярной пост-марксистской концепции мировой политики Майкла Хардта и Антонио Негри, востребованность идеи глобального гражданского общества восходит к локковской традиции осмысления феномена власти в демократическом государстве, перенесённой на глобальный уровень. «Согласно традиции, идущей от Локка, - отмечают они, - ... , только тогда, когда завершено становление наднационального центра, формируются сети локальных и эффективно действующих центров контр-власти, начинающих работать в поддержку и/или против новой системы власти. Здесь в большей мере, нежели на глобальную безопасность, делается упор на утверждении глобального конституционного порядка, это означает, что проект преодоления императивов государства требует создания глобального гражданского общества. Эти призывы имеют целью пробудить те ценности глобализма, которые дали бы начало новому международному порядку или

¹²⁵ *Colás A.* Global civil society: analytical category or normative concept? / *Global Civil Society: Contested Futures.* / Edited by G. Baker and D. Chandler - London: Routledge. – 2005. – P. 17-33.

¹²⁶ *Amoore L., Langley P.* Ambiguities of global civil society // *Review of International Studies.* – 2004. – Vol. 30. – №. 1. – P.90.

новой, выходящей за национальные границы демократии».¹²⁷ Но, вопрос о том, какими будут эти ценности глобализма, в рамках академической концепции глобального гражданского общества решён быть не мог.

Мы рассмотрим два варианта ответа, предложенных, соответственно, лидерами антиглобалистского движения, и представителями коммунитаристского течения политической философии. Джеффри Эйрис выделил господствующий фрейм антиглобалистского движения, в рамках которого активисты гражданского общества противостоят транснациональным корпорациям, выступающим за неолиберальную глобализацию.¹²⁸ Иначе говоря, неолиберализму теперь противостоит не социализм в какой-то из своих версий, а глобальное гражданское общество, представленное активистами, организующими протестные акции.

Тем самым в контексте пост-социалистической идеологической традиции глобальное гражданское общество предстаёт в виде общественной силы, выступающей против неолиберальной глобализации. Естественно, что в этом контексте из гражданского общества исключаются все организации, так или иначе связанные с бизнесом. «Гражданское общество, - утверждает Мэри Калдор, - состоит из групп, личностей и институтов, которые независимы от государств и государственных границ, но сосредоточены на решении общественных проблем. Понимаемое в этом смысле, гражданское общество не включает в себя все группы, или ассоциации, независимые от государства. Оно не включает в себя группы, защищающие насилие..., а также своекорыстные частные ассоциации преступников и капиталистов».¹²⁹

Отождествление капиталистов с преступниками очень характерно. Радикальные левые группы смогли использовать концепцию глобального гражданского общества не просто в качестве элемента обновлённой

¹²⁷ Хардт М., Негри А. Империя. — М.: Праксис. - 2004. - С.22-23.

¹²⁸ Ayres J. Framing collective action against neoliberalism: The case of the “anti-globalization” movement //Journal of world-systems research. – 2004. – Vol. 10. – №. 1. – P.24.

¹²⁹ Kaldor M. Transnational civil society. / Human Rights in Global Politics – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – P.210.

идеологической доктрины, но по существу, в качестве основы для самоидентификации.

Иначе видят ситуацию приверженцы коммунитаристских идей. Коммунитаризм как идейное течение представляет собой «школу мысли, главной идеей которой как раз является необходимость заботы о сообществе наравне (если не в первую очередь) со свободой и равенством».¹³⁰ Приверженцы коммунитаризма продолжают гегельянскую традицию, и полемизируют с либеральной политической теорией, акцентируя внимание не на индивиде, а на объединениях, построенных на общем ценностном фундаменте. «Представители коммунитаризма, - пишет один классиков этого идейного направления Амитай Этциони, - рассматривают личность, в значительной степени, как отражение нормативной культуры одного или нескольких коммюнити, частью которых она является».¹³¹ В соответствии с этим подходом, Этциони рассматривает и концепцию глобального гражданского общества, в составе которого он выделяет транснациональные коммунитарные организации. В эту категорию он включает действующие на международном уровне группы, объединённые общими ценностями и не являющиеся группами интересов.¹³²

Такая трактовка гражданского общества радикально трансформирует классическую концепцию, в рамках которой гражданское общество представало как сфера свободной борьбы интересов и столкновения заинтересованных групп. В качестве примеров транснациональных коммунитарных организаций Этциони называет «Международную амнистию», общество «Друзья Земли», Гринпис и Международный комитет

¹³⁰ *Кимлика У.* Современная политическая философия. Введение. - М.: ГУВШЭ. – 2010. - С.270.

¹³¹ *Этциони А.* Коммунитаризм как ключ к мировой легитимности // Политическое управление: научный информационно-образовательный электронный журнал – 2012. – №. 2. – С.103.

¹³² *Etzioni A.* From empire to community: A new approach to international relations. – New York: Palgrave Macmillan, 2004. – P.154.

Красного Креста.¹³³ По его мнению, на основе деятельности подобного рода организаций должны сформироваться универсальные общечеловеческие моральные нормы, которые, в свою очередь, лягут в основу глобальной правовой системы.

Казалось бы, перед нами не более чем набор благих пожеланий, сформулированный в терминах, труднодоступных пониманию широкой общественности. В целом коммунитаризм, при его очевидной популярности в академической среде, едва ли может претендовать на роль полноценной идеологии, способной стать мобилизующей силой для успешных политических партий и социальных движений. Однако, единственный случай, когда слияние коммунитаристской политической теории с практикой всё же произошло, заставляет иначе посмотреть на перспективы политической аргументации подобного рода.

В конце XX века в Сингапуре правящая Партия народного действия сменила риторические акценты в пропаганде, оправдывая необходимость сохранения в стране авторитарного режима, не предполагающего сменяемость партий у власти при формальной электоральной конкуренции, уже не апелляциями к его экономической эффективности, а ссылками на особые азиатские ценности и коммунитаризм. В этом контексте коммунитаризм трактовался как идея превосходства ценностей сообщества над индивидуальными потребностями и предпочтениями. В 1991 году сингапурский парламент принял декларацию общих ценностей, призывавшую «ставить общество выше себя, поддерживать семью, как основной элемент общества, решать основные вопросы на основании консенсуса, а не противоречий, укреплять расовую и религиозную терпимость и гармонию».¹³⁴ Таким образом, на практике коммунитаризм, подавляя группы интересов, служит идеологическим фундаментом

¹³³ *Etzioni A. Ibid. – P.155.*

¹³⁴ *Chua B. Communitarian ideology and democracy in Singapore. – London: Routledge. - 1995. – P.32.*

авторитарного режима. В условиях отсутствия реальной конкурентной демократии, единственно осуществимая процедура формирования консенсуса в сообществе состоит в силовом подавлении групп интересов, отклоняющихся от утверждённого государством перечня общих ценностей. Конечно, вообразить глобальный авторитарный режим, базирующийся на коммунитаристской идеологии пока довольно сложно, но предлагаемая Энциони логика превращения глобального гражданского общества в сферу декларируемого альтруизма ведёт, скорее, к такому варианту развития событий, чем к установлению всеобщей гармонии.

Для нас более важным является другой момент. Как мы видим, использование концепции глобального гражданского общества в качестве ключевого элемента идеологического дискурса (идеологемы) в обоих рассмотренных нами случаях ведёт к пересмотру самой концепции, и переопределению границ этого явления за счёт исключения тех аспектов реальности, которые не укладываются в прокрустово ложе идеологии. Радикальные левые исключают из глобального гражданского общества все организации, связанные с бизнесом, а коммунитаристы вообще все группы интересов. К примеру, профсоюзы, в том числе активно участвующие в антиглобалистском движении, несомненно, представляют собой группы интересов, выражающие потребности наёмных работников. В коммунитаристском варианте глобального гражданского общества им также не находится места, как и бизнес-структурам в глобальном гражданском обществе по версии радикальных левых.

При этом мы не считаем возможным рассматривать гражданское общество в качестве самостоятельной идеологии. Так, в частности, Полина Ерофеева, акцентируя внимание на доминировании ценностей англоязычного мира в дискурсе глобального гражданского общества, утверждает, что «подача дискурсивных норм англоязычного сообщества как универсальных видится необходимой иллюзией, которая превращает идею глобального гражданского общества в идеологию. Становление идеологии глобального

гражданского общества идет одновременно по нескольким сценариям: на роль «социально необходимой иллюзии» его спонсоры выдвигают идею «третьего сектора», его теоретики – коммуникативный принцип согласования глобальных норм».¹³⁵ Представленный выше анализ, как мы полагаем, доказывает, что в различных идеологических системах концепция глобального гражданского общества не только выполняет различную роль, но и имеет разное содержание. Соответственно, речь идёт не о полноценной самостоятельной идеологии, пусть даже находящейся в стадии становления, а лишь об одном из ключевых элементов идеологического дискурса, то есть идеологеме.

Глобальное гражданское общество стало жертвой собственного чрезмерно позитивного имиджа, заработанного в эпоху борьбы за демократизацию с авторитарными режимами Восточной Европы и Латинской Америки. Конкурирующие политические идеологии предъявили свои претензии на этот феномен мировой политики, стремясь сформировать на его основе более привлекательный вариант идентичности для своих приверженцев. Идеологии прячутся в имиджевую оболочку гражданского общества, попутно вытесняя оттуда возможных конкурентов.

Здесь, с нашей точки зрения, как раз и проходит граница между нормативной политической теорией и идеологией. Нормативная политическая теория формирует образ правильного политического устройства, опираясь на концепции, сформированные эмпирической наукой. Политическая теория не избегает ценностных оценок, но не подгоняет реальность под готовый ответ. Идеология, напротив, выбирает только те аспекты реальности, которые согласуются с предлагаемой ею картиной мира, а всё, что в эту картину мира не вписывается, попросту игнорирует.

Глобальное гражданское общество как эмпирический феномен отражает расширение деятельности негосударственных организаций на

¹³⁵ *Ерофеева П.* Глобальное гражданское общество как реальность, нормативный конструкт и идеология. // *Власть.* – 2011. - № 11. - С.129.

мировом уровне, возможности для которого созданы новой волной глобализации и коммуникационной революцией. Глобальное гражданское общество как элемент нормативной политической теории обозначает новый принцип мировой политики, предполагающий возможность урегулирования конфликтов на базе, построенной на основе общих ключевых ценностей цивилизованной коммуникации всевозможных групп интересов, организаций и движений, а не на основе насилия в столкновениях государств. Наконец, в идеологических построениях глобальное гражданское общество предстаёт в виде инструмента формирования позитивной идентичности для политических активистов.

На практике провести чёткую грань между этими вариантами зачастую бывает не просто, поскольку элементы эмпирического анализа, нормативной теории и идеологического манифеста могут порой встречаться в рамках одного текста. Кроме того, некоторые направления нормативной политической теории могут мутировать, превращаясь в своеобразную версию идеологии для интеллектуалов, что и случилось, в частности, с коммунитаризмом. Тем не менее, различие между идеальными типами политического дискурса полезно, как в научных, так и в практических целях.

Таким образом, на основании изучения использования концепции глобального гражданского общества в качестве элемента идеологических дискурсов, мы можем сформулировать следующие выводы:

1. Концепция глобального гражданского общества может пониматься как элемент эмпирической политической науки, как часть нормативной политической теории и как фрагмент идеологических дискурсов.
2. Попытку непосредственной интеграции концепции глобального гражданского общества в свои доктрины предприняли радикальные левые авторы, объединённые в антиглобалистском движении, и коммунитаристы.

3. Использование концепции глобального гражданского общества в качестве ключевого элемента идеологического дискурса (идеологемы) в обоих рассмотренных нами случаях привело к пересмотру самой концепции, и переопределению границ этого явления за счёт исключения тех аспектов реальности, которые не соответствовали идеологическим постулатам.

Выводы по первой главе

1. Концепция глобального гражданского общества сформировалась и приобрела значительную популярность в конце XX века. Среди основных причин этого можно выделить: а) увеличение роли неправительственных транснациональных организаций в мировом политическом процессе, б) изменение общего политического климата в результате конца Холодной войны и ослабления напряжённости идеологического противоборства; в) потребности в нормативном обосновании нового состояния мировой политики, в котором уменьшилось значение суверенитета отдельных государств и возросла роль общих ценностей.
2. Термин «глобальное гражданское общество» оказался востребован ввиду того, что концепция гражданского общества опирается на многовековую традицию анализа и интерпретации этого феномена в политической теории. Многообразие фундаментально проработанных трактовок гражданского общества позволяет исследователям и публицистам использовать это понятие в удобном для себя ключе, опираясь при этом, на одну из классических традиций политической философии.
3. Наибольшее внимание СМИ и широкой общественности в конце XX века привлекли активистские структуры антиглобалистского толка, заявившие о себе как о представителях глобального гражданского общества. Это было вызвано как реальными издержками экономической глобализации, вызвавшими протесты на транснациональном уровне, так и потребностью активистов радикально левого

толка в конструировании новой идентичности своего движения. Более масштабные и реально значимые элементы глобального гражданского общества, такие как религиозные объединения, редко анализируются исследователями в контексте данной концепции.

4. Концепция глобального гражданского общества может интерпретироваться как элемент эмпирической политической науки, нормативной политической теории и идеологических дискурсов. В радикально левом антиглобалистском дискурсе из понятия глобального гражданского общества исключаются организации, связанные с бизнесом, а в коммунитаристском дискурсе вообще все группы интересов. Таким образом, идеологические течения изменяют значение этого понятия в соответствии со своими потребностями и превращают концепцию глобального гражданского общества в идеологему.

Глава 2. Роль глобального гражданского общества в политическом процессе

2.1. Институты глобального гражданского общества

В социальных науках конца XX века преобладающим подходом к изучению институтов стала концепция Дугласа Норта, в рамках которой институты рассматриваются в качестве общих «правил игры», а организации представляют собой игроков, играющих по правилам.¹³⁶ Но при этом и сами организации представляют собой институты, со своим набором формальных и неформальных правил игры, которых придерживаются люди, объединяющиеся в организации.

В политической науке институты в более узком смысле трактуются как «формальные соглашения, достигнутые группами людей, поведение которых регулируется применением чётко определённых правил и процессом принятия решений, подкреплённым полномочиями одного лица или группы лиц, формально обладающих властью».¹³⁷ В широком смысле под институтами понимают регулярно повторяющиеся взаимодействия, основанные на общепринятых в определённом сообществе правилах и процедурах. Существует формализованное институциональное ядро политического процесса, где правила взаимодействия участников описаны в юридических документах, и периферия, где участники опираются на неформальные нормы, которые, впрочем, по уровню жёсткости и обязательности в некоторых случаях могут превосходить законы и конституции.

В сфере международных отношений, несмотря на обилие договоров, соглашений и дипломатических ритуалов, нормативная база политики зачастую существует отдельно от процесса принятия и осуществления

¹³⁶ Норт Д. Функционирование экономики во времени. Нобелевская лекция (9 декабря 1993 года). // Отечественные записки. – 2004. - № 9.

¹³⁷ Ротстайн Б. Политические институты: общие проблемы / Политическая наука: новые направления. / Под редакцией Р. Гудина и Х.-Д. Клингеманна. – М.: Вече, 1999. – С.149-180. – С.160-161.

реальных политических решений. Это связано с тем, что не существует единого мирового суверена, способного гарантировать соблюдение норм международного права.

В эпоху глобализации новый уровень интенсивности социальных, экономических и культурных взаимодействий поверх государственных границ не сопровождается столь же быстрым формированием формального институционального ядра мировой политики. Суверенные национальные государства не спешат делиться полномочиями с наднациональными органами, в которых они не обладают контрольным пакетом или правом вето. Поэтому целый ряд важнейших аспектов международных отношений, в том числе вопросы войны и мира зависят от неформальных договорённостей лидеров наиболее развитых стран, опирающихся на свой военный и экономический потенциал.

Тем не менее, значительное число межправительственных организаций, созданных в XX веке, постепенно сосредоточили в своих руках достаточно широкий круг полномочий в самых разных сферах социальной, экономической и культурной жизни. Эти организации, как правило, действуют на основании договоров между суверенными государствами, и обладают собственным аппаратом, а также финансовыми ресурсами, достаточными для выполнения профильных задач. Однако их совокупные ресурсы по-прежнему несопоставимы с ресурсами крупнейших государств мира. Так бюджет ООН на 2012-2013 годы составляет 5,15 миллиардов долларов, что эквивалентно 0,0013% бюджета США 2013 года.

При этом регулятивную роль некоторых межправительственных организаций нельзя недооценивать. В частности, Всемирная торговая организация, в которую на 2013 год вступили 159 стран, смогла ограничить уровень таможенных тарифов в международной торговле и создать эффективный механизм разрешения торговых споров между странами, участвующими в деятельности ВТО.

Именно ВТО, а также ряд других межправительственных экономических организаций, таких как Международный валютный фонд (188 государств – участников) и Всемирный банк (184 государства – участника) превратились, наряду с транснациональными корпорациями, в основные объекты критики противников так называемой «неолиберальной глобализации».

Одним из наиболее популярных аргументов критиков стало обвинение межправительственных организаций в элитарности, оторванности от нужд обычных людей и не подотчётности гражданам. Весьма показательна в этом отношении история с проектом заключения многостороннего соглашения по инвестициям, случившаяся в середине 90-х годов XX века.¹³⁸ В рамках Уругвайского раунда переговоров ВТО представители США и Европейского союза предложили заключить соглашение, регулирующее вопросы защиты инвестиций, а также разрешения споров между компаниями – инвесторами и государствами. Это предложение не нашло понимания у представителей развивающихся стран, которые хотели сохранить свободу рук в торге с транснациональными корпорациями по поводу условий ведения бизнеса.

В результате в мае 1995 года переговоры были перенесены на платформу Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), большинство членов которой составляют экономически развитые страны мира. В течение двух лет рабочей группой из представителей различных стран, входящих в ОЭСР разрабатывался проект многостороннего соглашения по защите инвестиций. Идея состояла в том, чтобы создать многостороннюю структуру для стимулирования и защиты международных инвестиций, нацеленную на либерализацию инвестиционных режимов в различных странах мира. Предполагалось, что соглашение подпишут страны – члены ОЭСР, а в дальнейшем к нему смогут присоединиться другие

¹³⁸ См. *Warkentin C., Mingst K. International Institutions, the State, and Global Civil Society in the Age of the World Wide Web // Global Governance. - Apr-Jun 2000. - Vol. 6. - Issue 2. - P.237-256.*

государства мира. В январе 1997 предварительный вариант текста соглашения был утверждён в качестве основы для окончательной доработки. Казалось, что процесс близок к успешному завершению.

И в этот момент ситуация изменилась кардинальным образом. Кто-то из участников переговоров случайно или намеренно допустил утечку информации, в результате чего текст проекта соглашения попал в руки американской некоммерческой организации Public Citizen, специализирующейся на защите прав потребителей в противостоянии с корпорациями, и возглавлявшейся в то время известным общественным деятелем Ральфом Найдером. Документ был выложен в свободном доступе на сайте организации и быстро привлёк внимание широкой общественности. В короткие сроки он был опубликован сотнями сайтов по всему миру вместе с комментариями преимущественно негативного толка.

Против подписания соглашения выступили более 600 организаций из 70 стран мира, среди которых были такие крупные структуры, как Американская федерация труда — Конгресс производственных профсоюзов (АФТ-КПП), Международная амнистия, «Друзья земли» и Всемирное движение развития. Особенно характерна позиция авторитетной международной организации «Оксфам», выросшей из Оксфордского комитета помощи голодающим, и специализирующейся на борьбе с бедностью во всём мире. «Оксфам» критиковал подготовку соглашения по инвестициям как с точки зрения возможных последствий его принятия, так и с позиции недемократичности самого процесса.¹³⁹

Содержательная часть критики была довольно стандартной, и в целом соответствовала общим принципам антиглобалистской риторики. Как обычно, высказывались опасения, что за принятием соглашения последует «гонка по нисходящей» в сфере экологических и трудовых стандартов. В рамках этой логики было принято утверждать, что страны, вовлечённые в конкурентную борьбу за инвестиции, не смогут надлежащим образом защищать природу и

¹³⁹ См. *Warkentin C., Mingst K. Op.cit.*

трудовые права граждан от посягательств со стороны всемогущих транснациональных корпораций. Кроме того, новое соглашение, по мнению критиков из «Оксфама» ещё сильнее ущемит суверенитет развивающихся стран, дополнительно связав руки их правительствам.

Значительно интереснее была критика процедурного характера. С точки зрения представителей «Оксфама» в принципе недопустимо готовить столь важные документы в тайне от избирателей, не учитывая мнений тех работников и предпринимателей, которых может затронуть это соглашение, в случае его принятия. Они потребовали демократизации внешней политики, которая должна строиться «снизу вверх», а решения готовиться при активном участии представителей гражданского общества. Именно эта «процедурная» критика нашла широкую поддержку как на форумах в сети Интернет, так и в СМИ ряда стран Западной Европы. В сети Интернет критическая позиция активистов антиглобалистского толка была представлена значительно лучше, чем точка зрения представителей официальных государственных структур, которые не сразу осознали масштаб происходящей кампании.

В проекте соглашения речь шла преимущественно о технических вопросах, связанных со стандартными ситуациями во взаимоотношениях инвесторов с государственными органами. Но активисты международных НКО смогли фреймировать ситуацию иначе, описав её как противостояние чиновников, втайне от общественности готовящих сделку с транснациональными корпорациями за счёт интересов простых граждан, и защитников демократии, требующих открытости и прозрачности в деятельности государственных органов. Этот фрейм стал тиражироваться в СМИ, что вынудило правительства некоторых европейских стран отказаться от поддержки проекта инвестиционного соглашения. В 1998 году французское социалистическое правительство официально заявило о выходе из переговорного процесса, и в соответствии с принципом консенсуса, принятым в ОЭСР, подготовка многостороннего соглашения по инвестициям была окончательно прекращена.

Сила глобального гражданского общества была продемонстрирована самым убедительным образом. С этого момента недооценивать возможности международных неправительственных организаций стало просто опасно. Требования демократизации внешней политики в развитых странах быстро превращались в элемент официальных программных документов политических партий и органов государственной власти. Так, например, канадское правительство в рамках курса на демократизацию внешней политики предоставило активистам из НКО несколько мест в делегации на международных переговорах по заключению Конвенции о запрете противопехотных мин, проходивших в 1997-1999 годах.¹⁴⁰

Тем самым, институты глобального гражданского общества получили признание в качестве одного из основных элементов международной политики в эпоху глобализации. Но институциональная структура глобального гражданского общества менее формализована, в сравнении с межправительственными международными политическими институтами.

Ядром институциональной структуры глобального гражданского общества можно считать международные неправительственные организации. Их количество стало интенсивно расти в конце XX века. Если в 1850 г. в мире существовало всего пять международных неправительственных организаций, то в 1914 – 330, в 1939 – 730, в 1970 – 2300, а в 2000 г. насчитывалось уже 45 674 МНПО.¹⁴¹

Несколько десятков наиболее авторитетных организаций превратились в своеобразные «бренды» глобального гражданского общества. Важным элементом их имиджа является альтруистическая направленность, и базирующийся на ней моральный пафос.

В частности, Международное движение Красного Креста и Красного Полумесяца, основанное в 1863 году, и объединяющее в своих рядах

¹⁴⁰ См. *Warkentin C., Mingst K.* Op.cit.

¹⁴¹ *Иванова Е.Н., Иванов В.И.* Взаимодействие международных неправительственных организаций с ООН и межправительственными организациями // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. - 2012. - № 19. - С. 57-67. – С. 58.

несколько десятков миллионов сотрудников и добровольцев по всему миру, завоевало авторитет, оказывая помощь раненым и пострадавшим в периоды военных действий. Уже упоминавшаяся организация «Оксфам» в течение полувека оказывала продовольственную помощь представителям беднейших слоёв населения в развивающихся странах мира. «Международная амнистия» защищала права человека во всех странах мира, обращая особенное внимание на судьбу политических заключённых в авторитарных политических системах. Эта организация располагает приблизительно 1 млн членов, подписчиков и спонсоров из 140 стран. Многие транснациональные неправительственные организации имеют зонтичную структуру. Так, например, Международный союз охраны природы объединяет 735 НПО, 35 аффилированных организаций, 78 государств, 112 правительственных институтов и около 10 тыс. ученых и экспертов из 181 страны.¹⁴²

Именно такие организации в XX веке неоднократно получали Нобелевскую премию мира. В частности, этой престижнейшей награды были удостоены пацифистская организация «Международное бюро мира» (1910 г.), Международный комитет Красного Креста (1917 г., 1944 г., 1963 г.), «Международная амнистия» (1977 г.), «Врачи мира за предотвращение ядерной войны» (1985 г.), Пагуошское движение учёных (1995 г.), Международное движение за запрещение противопехотных мин (1997 г.), «Врачи без границ» (1999 г.).

Огромное количество международных профессиональных, научных и спортивных ассоциаций составляют основную часть глобального гражданского общества, содействуя повседневному взаимодействию групп с общими интересами поверх государственных границ. Однако голос этих организаций редко слышен при обсуждении глобальных политических проблем, поскольку сам факт их ориентации на достаточно узкую сферу

¹⁴² Казаринова Д.Б. Роль международных организаций в формировании глобального гражданского общества // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2010. № 4. С. 116-132. – С.120

интересов ограничивает возможности выдвижения масштабных политических инициатив, привлекающих внимание СМИ. В самом деле, было бы странно, если бы Международная федерация по железобетону, объединяющая 39 национальных сообществ специалистов в области производства бетона, стала бы выступать с заявлениями по вопросам развития художественной культуры, или борьбы с глобальным потеплением. Тем не менее, в сфере своей непосредственной компетенции она играет значительную роль, способствуя разработке и принятию новых технологических стандартов.

Нижний этаж организационной структуры институтов глобального гражданского общества составляет бесчисленное множество ассоциаций «корней травы», созданных для решения конкретных проблем локальных сообществ. В случае необходимости они могут находить контакты за пределами страны и региона, обращаясь за поддержкой и консультациями к единомышленникам в других частях света.¹⁴³ На основе этих разовых взаимодействий создаются неформальные сети, способные к координации усилий, если на повестку дня выходит значимая для всех участников сети проблема. Во многих случаях такая координация осуществляется на региональном уровне.

К примеру, когда в 2002 году крупные IT – компании (Microsoft, SAP, Nokia и ряд других) выдвинули при поддержке Еврокомиссии инициативу распространить патентное законодательство в Европейском Союзе на программное обеспечение, она вызвала гневный отклик со стороны многочисленных сторонников открытого кода, сформировавших широкую коалицию за свободное программное обеспечение. Эта коалиция имела неформальный характер, и действовала творчески, стремясь привлечь внимание СМИ, и вызвать сочувствие широкой общественности. В

¹⁴³ *Batliwala S.* Grassroots Movements as Transnational Actors: Implications for Global Civil Society. // *Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations.* - December 2002. - Vol. 13. - No. 4. - P. 393-410.

крупнейших городах Европейского союза прошли театрализованные акции, на которых переодетые в тюремную униформу программисты ходили по кругу, наглядно изображая новые угрозы для отрасли, которые могут реализоваться в Евросоюзе после принятия патентного законодательства в интересах транснациональных корпораций. Эти представления, сами по себе являвшиеся неплохим информационным поводом, сопровождались благожелательными выступлениями экспертов в СМИ, аргументированно обосновывавших потенциальную величину издержек, которые новое патентное законодательство может принести рядовым европейским потребителям. Протестная кампания увенчалась полным успехом. В июле 2005 года Европейский парламент подавляющим большинством голосов отклонил внесённый Еврокомиссией патентный законопроект.¹⁴⁴

Более масштабный пример представляет собой деятельность Коалиции «Юбилей 2000», основанной в 1996 году рядом британских активистов, связанных с церковью, стремившихся привлечь внимание общественности развитых стран к проблемам беднейших регионов Третьего мира. Опираясь на заимствованную из Ветхого Завета библейскую идею о необходимости прощения должников в юбилейный год, они предложили списать в 2000 году долги беднейших стран мира на общую сумму 90 миллиардов долларов. В той или иной форме эту идею поддержало около 24 миллионов человек по всему миру.¹⁴⁵ Пик влияния этой кампании пришёлся на 1998 год, когда во время проведения встречи лидеров стран «большой семёрки» в Бирмингеме около 70 тысяч демонстрантов приняли участие в акции протеста под лозунгами освобождения беднейших стран мира от долгового бремени. В поддержку этого предложения высказались главы Великобритании, США,

¹⁴⁴ *Althaus M.* Discovering Our (Corporate) Grassroots: European Advocacy 2.0. / Routledge Handbook of Political Management. / Edited by Dennis W. Johnson. - New York: Routledge. – 2009. - P.492-494.

¹⁴⁵ *Anheier H., Themudo N.* Organisational forms of Global Civil Society: implications of going global. // Global Civil Society yearbook 2002. / Edited by Helmut Anheier, Marlies Glasius, and Mary Kaldor. - Oxford: Oxford University Press. – 2002 – P. 191-216. – P.192.

Германии и ряда других стран, и в конечном итоге, идея была частично реализована. Но организационное единство коалиции сохранить не удалось. Из её состава выделились группы радикалов, требовавшие значительно более решительных мер по сокращению разрыва между глобальным Севером и Югом. Кроме того, среди активистов движения возникли трения по вопросу о том, кто имеет право выступать с заявлениями от его имени. Тем самым, отсутствие формальной организационной структуры, снизившее издержки координации совместных действий на начальном этапе, не позволило сохранить единство коалиции после достижения первых успехов.

Как отмечает Лэнс Беннет, современные активисты глобального протестного движения часто меняют лозунги и тематику выступлений, легко объединяют усилия в подготовке протестных акций, не зацикливаются на одной проблеме, не выстраивают формальных иерархий, не заключают письменных коалиционных соглашений и не пытаются сформулировать конструктивные предложения для органов государственной власти. Всем этим они отличаются от транснациональных неправительственных организаций прежней эпохи, воспринимаемых нынешними сетевыми активистами в качестве неповоротливых динозавров, по историческому недоразумению переживших своё время.¹⁴⁶

В глазах многих активистов глобального протестного движения выдвигать конструктивные предложения на уровне отдельных государств бессмысленно, поскольку правительства либо не в состоянии повлиять на несправедливую систему мировых экономических отношений, либо подконтрольны могущественным транснациональным корпорациям. Отсутствие формальной иерархии в сетевом протестном движении, в свою очередь, решает две задачи: предотвращает склоки и борьбу за власть между лидерами и лишает противников возможности разрушить организационную

¹⁴⁶ *Bennett L. Social movements beyond borders: understanding two eras of transnational activism. // Transnational protest and global activism / Edited by Donatella Delia Porta and Sidney Tarrow. – Lanham, MD: Rowman and Littlefield, 2005. – P.215-216*

инфраструктуру движения, подкупив или уничтожив его лидеров. Как заявил журналисту один из активистов экологического движения «Власти не смогут убить нашего лидера, потому что у нас его нет».¹⁴⁷ Нельзя сказать также, что участников глобального протестного движения объединяет общая идеология. Новое поколение активистов избегает запутанных идеологических дискуссий и ограничивается сравнительно небольшим набором простых и понятных фреймов, таких как «глобальная справедливость», «глобализация снизу» и «глобальное гражданское общество». По мнению Беннета, идеологией глобального протестного движения является сам принцип сетевой организации, максимально открытой для приверженцев самых разных взглядов и ценностей, иными словами, «организация как идеология».¹⁴⁸ Неоднородность протестного движения не позволяет выдвинуть общую программу, но позволяет формировать обширные негативные коалиции по конкретным поводам.

По мере увеличения числа успешных лоббистских кампаний, проведенных международными неправительственными организациями, межгосударственные международные структуры пришли к пониманию необходимости придания отношениям с НПО официального статуса. Принципиальная возможность для этого существовала давно. Благодаря активным усилиям двух международных неправительственных организаций – «Ротари Клуб» и гуманитарной организации Международный комитет Красного Креста при создании Организации Объединённых Наций в её Устав была включена специальная статья 71, в которой было зафиксировано, что экономический и социальный совет ООН (ЭКОСОС) уполномочен консультироваться с неправительственными организациями. В документе было сказано, что ЭКОСОС имеет право «...проводить надлежащие мероприятия для консультации с неправительственными организациями, заинтересованными в вопросах, входящих в его компетенцию. Такие

¹⁴⁷ *Bennett L. Op. cit. – P.209.*

¹⁴⁸ *Bennett L. Op. cit. – P.216.*

мероприятия могут быть оговорены с международными организациями, а в случае надобности – с национальными организациями, после консультации с заинтересованным членом организации».¹⁴⁹

В 1946 г., т.е. на третий год существования ООН, Экономический и социальный Совет ООН предоставил консультативный статус 41 МНПО, в 1968 г. такой статус имели уже 377 МНПО, в 2000 г. – более 1350. В 1968 г. Ассоциированный статус в Департаменте общественной информации ООН получили 200 МНПО, в 2000 г. их число достигло 15506.¹⁵⁰

При этом были разработаны формальные юридические критерии для предоставления международным неправительственным организациям консультативного статуса. Согласно резолюции ЭКОСОС ООН 1296(XIV) от 23 мая 1968 г., такие организации должны:

- носить представительный характер и пользоваться установившейся международной репутацией;

- представлять значительную часть населения и выражать точку зрения основных слоев населения или организованных лиц в своей области деятельности, охватывая, по возможности, значительное число стран в различных районах мира;

- иметь постоянный центр, возглавляемый соответствующим должностным лицом;

- иметь устав, принятый демократическим путем, копия которого должна храниться у Генерального секретаря ООН, который должен предусматривать создание исполнительного органа, ответственного перед директивным органом организации;

¹⁴⁹ *Иванова Е.Н., Иванов В.И.* Взаимодействие международных неправительственных организаций с ООН и межправительственными организациями // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. - 2012. - № 19. - С. 57-67. – С. 60.

¹⁵⁰ *Субботин А.А.* Информационные аспекты деятельности международных неправительственных организаций // Актуальные проблемы Европы. 2004. № 1. С. 173-187. – С.177.

- быть международными по своей структуре, а члены ее должны пользоваться правом голоса в вопросах общего курса мероприятий этой организации;

- основные средства международных организаций должны состоять из взносов национальных отделений, индивидуальных членов, добровольных взносов, о которых должно быть сообщено Комитету по МНПО, а информация о прямой или косвенной финансовой поддержке должна быть открыто доведена до сведения Комитета по МНПО через Генерального секретаря ООН. Средства, полученные в виде взносов, должны быть израсходованы на деятельность, соответствующую целям ООН, и отражены в финансовой документации организации.¹⁵¹

В конце XX века Экономическим и Социальным советом ООН (ЭКОСОС) в Резолюции от 25 июля 1996 г. было дано рабочее определение международной неправительственной организации, согласно которому МНПО является любая неправительственная организация, учрежденная не на основании межправительственного договора, не преследующая своей целью извлечение коммерческой прибыли, а также удовлетворяющая следующим условиям:

- имеет представительную структуру;
- располагает соответствующими механизмами отчетности перед своими членами;
- ее члены осуществляют эффективный контроль над ее политикой и деятельностью путем использования права голоса и через другие соответствующие демократические и транспарентные процессы принятия решений.¹⁵²

В этом определении обращает на себя внимание акцент на некоммерческом характере прибыльности и внутреннем демократическом

¹⁵¹ Лысенко В.В. К вопросу об определении понятия «международная неправительственная организация» // Юридический мир. - 2009, № 10 (154). - С. 55-61

¹⁵² Лысенко В.В. Указ. соч.

устройстве, которые требуются от организаций, претендующих на статус выразителей интересов гражданского общества. Тем самым, проводится разграничение между лоббистскими структурами, действующими в пользу своекорыстных групп интересов, и альтруистически ориентированными организациями, декларирующими намерение защищать интересы общества в целом, и, в особенности, представителей непривилегированных его слоёв.

С появлением сети Интернет, часть процесса коммуникации органов ООН с НПО переместилась в виртуальную сферу. С этой целью был создан специальный Интернет-портал CSO Net (Civil Society Network), посвященный неправительственным организациям, сотрудничающим с ООН, а также членам агентств, аккредитованных при ООН, фондам и программам для пропаганды наиболее удачных практик в области экономического и социального развития. На этом портале пользователям предоставлена возможность публиковать новостную информацию, а также создавать и модерировать форумы для дискуссий. Здесь также можно зарегистрироваться на конференциях ООН, открытых для участия представителей гражданского общества. Всего в базе данных представлено более 13 тыс. организаций.¹⁵³

Вслед за ООН многие международные межправительственные организации учредили консультативный статус для НПО, и ввели системы их аккредитации. По этому пути, в частности, пошли Международная организация труда (МОТ), Организация Объединенных Наций по промышленному развитию (ЮНИДО), Конференция ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД) и Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ).¹⁵⁴ Международный валютный фонд в 2003 году разработал специальный документ под названием «Руководство по связям персонала МВФ с организациями гражданского общества». Как сказано в этом руководстве: «Для целей МВФ участниками гражданского общества являются деловые

¹⁵³ Казаринова Д.Б. Роль международных организаций в формировании глобального гражданского общества // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2010. № 4. С. 116-132. – С.121.

¹⁵⁴ Лысенко В.В. Указ. соч.

форумы, религиозные ассоциации, профессиональные союзы, местные группы общественности, неправительственные организации (НПО), филантропические фонды и аналитические центры».¹⁵⁵ Показательны критерии легитимности организаций гражданского общества, выделяемые МВФ. «Легитимность организаций гражданского общества может оцениваться исходя из следующих соображений: (a) законность — организации официально признаны и зарегистрированы; (b) моральные принципы — организации служат благородному и правому делу; (c) эффективность — организации действуют компетентно; (d) членская база; и (e) надлежащее управление — организации в своей работе опираются на принципы участия всех заинтересованных сторон, терпимости, прозрачности и подотчетности».¹⁵⁶ Таким образом, правовая база взаимодействий между межправительственными международными организациями и структурами гражданского общества стала включать в себя очевидные нормативные элементы, в том числе признание за НПО своеобразного морального превосходства над коммерческими и государственными структурами.

Иногда этот подход подразумевает прямое указание на некоммерческие цели деятельности организации. В ООН некоммерческий характер подразумевается в силу требования о финансировании организации самими членами или добровольными взносами. Вместе с тем некоторые некоммерческие организации, признанные ООН в качестве НПО, объединяют представителей бизнеса, лоббирующих коммерческие интересы. К таким организациям относится Международный морской форум нефтедобывающих компаний, который активно сотрудничает в качестве НПО с ООН и Международной морской организацией¹⁵⁷

¹⁵⁵ Руководство по связям персонала МВФ с организациями гражданского общества. - Международный Валютный Фонд, Департамент внешних связей. - Вашингтон, округ Колумбия. - <http://www.imf.org/external/np/cso/rus/2003/pdf/101003r.pdf>

¹⁵⁶ Там же

¹⁵⁷ *Лысенко В.В.* К вопросу об определении понятия "международная неправительственная организация" // Юридический мир. - 2009, № 10 (154). - С. 55-61

Процесс институционализации взаимодействия межгосударственных органов с неправительственными организациями за счёт придания последним официального консультативного статуса стал набирать мощность и на региональном уровне. Особой активностью в этом отношении отличаются структуры Европейского Союза. Ещё в 1991 году вступила в силу Европейская конвенция о признании правосубъектности международных неправительственных организаций.¹⁵⁸ Экономический и социальный комитет Европейского Союза, созданный в соответствии с Договором о ЕЭС, согласно своим официально провозглашённым функциям ориентирован на выражение интересов организованного гражданского общества, то есть, главным образом, неправительственных организаций, по вопросам, наиболее значимым для общества. Консультация с Экономическим и социальным комитетом является обязательной для Европейской комиссии при подготовке решений по вопросам сельского хозяйства, свободного движения трудящихся, права на жительство и экономическую деятельность, транспорта, сближения законодательств, социальной политики, региональных фондов, научных исследований, охраны окружающей среды, гармонизации налогообложения, а также занятости и социального законодательства. В соответствии со статьей 257 Ниццкого договора в Комитете может работать максимум 350 представителей «различных экономических и социальных групп, в том числе промышленников, фермеров, работников транспорта, коммерсантов, лиц свободных профессий и представителей общественности».¹⁵⁹

Важно отметить, что на региональном уровне в рамках процесса консультаций происходит дальнейшая самоорганизация гражданского общества. В частности, европейские НПО, пользующиеся правом совещательного голоса в структурах ЕС, образовали десять тематических

¹⁵⁸ *Петруня О.Э.* Роль европейских международных неправительственных организаций в управлении мировым сообществом. // Актуальные проблемы Европы. 2005. № 3. С. 35-51. – С.44.

¹⁵⁹ *Казаринова Д.Б.* Указ. соч. – С.122-123.

групп. В число приоритетов групп входят права человека, равенство полов, Европейская социальная хартия и социальная политика, борьба с нищетой, образование и культура, гражданское общество в новой Европе, здравоохранение, охрана природы, городская среда, а также диалог между Севером и Югом. Эти группы собираются три раза в год, во время сессий Парламентской Ассамблеи Совета Европы.¹⁶⁰

Европейский Союз и правительства европейских стран в конце XX века стали чаще проводить конференции по различным социальным проблемам, к участию в которых приглашались наиболее авторитетные неправительственные организации. Их количество значительно возросло в 90-х годах, когда состоялись, в частности, Венская конференция по правам человека (1993), Копенгагенская конференция по социальному развитию (1995), Конференция по положению женщин (1995), Европейская конференция по окружающей среде (1996).¹⁶¹

Глобальные корпорации также не стоят в стороне. При содействии некоммерческих организаций они расширяют сферу своей социальной ответственности, вытесняя из этой сферы государство. В рамках этого симбиоза международные НПО также усваивают некоторые стандарты корпоративного управления, они профессионализируются, становятся более структурированными и иерархичными. Все чаще встречаются примеры сотрудничества глобальных брендов-ТНК и глобальных брендов-НПО («Найк» и «Гринпис», «Старбакс» и «Всемирный фонд защиты дикой природы»)¹⁶².

В складывающейся на рубеже тысячелетий системе глобализирующейся международной политики за институтами глобального гражданского общества понемногу закрепляется роль своеобразного компенсаторного механизма. Через систему НПО государственные и

¹⁶⁰ Казаринова Д.Б. Указ. соч. – С.124.

¹⁶¹ Субботин А.К. Глобализация и новые функции европейских неправительственных организаций // Актуальные проблемы Европы. 2005. № 3. С. 8-34. – С.27.

¹⁶² Казаринова Д.Б. Указ. соч. – С.130.

межгосударственные органы готовы распределять средства для смягчения социальных проблем в ситуациях, когда рыночные механизмы не работают, а создание особой бюрократической структуры сопряжено с большими издержками. Неправительственные организации также смягчают проблему не подотчётности межгосударственных структур обычным гражданам. Ввести демократические процедуры формирования управленческих структур в масштабе всей планеты не представляется возможным. При соблюдении принципа «один человек – один голос» демократические выборы привели бы к доминированию жителей бедных стран с огромным населением. В обозримом будущем развитые страны мира не дадут своего согласия на реализацию подобного сценария.

Но участие НПО, пусть и на вторых ролях, в процессе обсуждения и подготовки решений на глобальном уровне увеличивает легитимность глобальной системы управления и смягчает остроту восприятия её недемократического характера. При этом представители НПО сами не обладают демократической легитимностью, поскольку представляют лишь членов собственных организаций, и не могут всерьёз претендовать на ведущую роль в принятии решений.

Таким образом, на основании анализа институтов глобального гражданского общества мы приходим к следующим выводам:

1. Организационная структура глобального гражданского общества состоит из трёх уровней. Верхний уровень составляют международные НПО, приобретшие статус «брендов ГГО», периодически выступающие от его имени и способные устанавливать партнёрские отношения с межгосударственными структурами и транснациональными корпорациями. На среднем уровне обнаруживаются десятки тысяч устойчивых международных НПО, работающих в достаточно узкой сфере, связанной с профессиональными, культурными и экономическими интересами людей, проживающих в разных странах мира. Эти НПО обычно не

привлекают большого внимания СМИ и широкой общественности. На нижнем уровне сосредоточено огромное количество организаций «корней травы», действующих на уровне локальных сообществ, но способных при необходимости объединяться в широкие международные коалиции и сети, зачастую вовсе не имеющие формальных правил и устойчивого координирующего центра. Тем не менее, мобилизационный потенциал таких ассоциаций весьма значителен, и в эпоху Интернета они стали добиваться ощутимых успехов.

2. В конце XX века значительно интенсифицировался процесс формализации взаимоотношений между наиболее авторитетными НПО и межгосударственными глобальными и региональными структурами. Официальный консультативный статус позволяет крупнейшим НПО не только критиковать действия межгосударственных организаций, но и принимать участие в принятии решений на глобальном уровне. Тем самым постепенно вырабатываются общепризнанные «правила игры», и формируется юридически оформленное организационное ядро глобального гражданского общества.
3. Институты глобального гражданского общества занимают особую нишу в общей системе современных институтов глобального управления. В связи с меньшей степенью бюрократизированности и приверженности альтруистическим идеалам, они способны эффективно оказывать помощь представителям социально незащищённых групп, а также выступать в качестве инструмента постепенной демократизации процесса принятия политических решений на глобальном уровне.

2.2. Индивид в глобальном гражданском обществе: концептуальный аспект

В современной социальной науке уже довольно редко приходится встречать голоса в поддержку позиции последовательного методологического индивидуализма. Согласно этой традиции «индивиды рассматриваются в качестве базовых атомов анализа социальных процессов, коллективное же представляется в качестве простого результата индивидуальных действий, получаемого путем агрегирования и сложения».¹⁶³ Свободу принятия решений человеком отрицать невозможно, но в реальности выбор индивида обычно осуществляется с учётом обстоятельств, повлиять на которые отдельно взятому человеку весьма непросто. Поэтому доминирующим подходом к объяснению индивидуального политического поведения во второй половине XX века стало выявление факторов принятия решений в рамках существующей социальной структуры и набора заданных социальных ролей.¹⁶⁴

Это в полной мере относится и к вопросам индивидуального участия в деятельности организаций, сетей и движений глобального гражданского общества, а также к формированию установок по отношению к этому феномену политического процесса эпохи глобализации. Очевидно, что объективные структурные факторы мирового социально-экономического развития создают мощнейшую систему стимулов для вовлечения в транснациональную общественную деятельность. Как отмечает Ульрих Бек: «Глобализированная экономика позволит управлять ею только глобально, средствами регламентации, и только тот, кто борется за это в глобальных масштабах, имеет шансы на успех».¹⁶⁵ Этим обстоятельством, по его мнению,

¹⁶³ Коркьюф Ф. Новые социологии. - М: Институт экспериментальной социологии, 2002. - С.21.

¹⁶⁴ Archer M. Structure, agency and the internal conversation. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003; Hay C., Wincott D. Structure, agency and historical institutionalism //Political studies. – 1998. – Vol. 46. – №. 5. – P. 951-957.

¹⁶⁵ Бек У. Амбивалентность космополитического режима //Актуальные проблемы Европы. – 2005. – №. 2. – С. 46-77. – С.47.

и обусловлен явный парадокс процесса глобализации, который движется вперёд усилиями не столько сторонников, сколько противников. глобализации. «Все кризисы, все конфликты, все катастрофы, вызываемые глобализацией, - утверждает У. Бек, - приводят к одному и тому же эффекту: они усиливают призыв к формированию космополитического режима, открывают (вольно или невольно) пространство для глобального властного и правового порядка. Существование этого замкнутого круга, где конфликты и кризисы глобализации глобализируют глобализацию, многообразно подтверждается. Так как противники поддержки глобализации организуют свои демонстрации протеста при совещаниях в верхах в транснациональном формате, контракции со стороны полиции тоже приходится проводить в транснациональном масштабе. Таким образом, наднациональный протест требует наднациональной полиции, соответствующей наднациональной системы информации, наднационального правопорядка и т.д.»¹⁶⁶

При этом степень вовлечённости представителей различных стран, регионов и социальных групп в транснациональную гражданскую деятельность обусловлена в значительной степени национальным и даже локальным контекстом. В закрытых политических системах, с минимальной степенью индивидуальной свободы, таких как Северная Корея или Туркменистан для участия в подобной деятельности просто нет возможностей, хотя эмигранты из этих стран могут создавать сети глобального масштаба для оказания давления на правительство при помощи международных организаций и общественного мнения. В бедных странах глобального Юга государства не ставят столь жёстких препон для участия в транснациональном гражданском движении, но у большей части жителей зачастую отсутствуют необходимые ресурсы, поскольку даже компьютер с доступом в Интернет для них является роскошью. Таким образом, наибольшие возможности для вовлечения в деятельность глобального

¹⁶⁶ Бек У. Указ. соч. - С.48.

гражданского общества обнаруживаются у жителей наиболее развитых и благополучных стран мира.

Но эти возможности становятся действительностью только при наличии соответствующей мотивации. В принципе мотивы для неоплачиваемой активности обычно связаны с необходимостью в компенсации неудовлетворённых потребностей. Для активистов глобального гражданского общества это, скорее, не первичные материальные запросы, а потребность в признании и возможности оказывать влияние на принятие решений в сообществе. В связи с этим возникает вопрос, о каком именно сообществе в данном случае идёт речь.

Очевидно, что структура политических идентичностей в эпоху глобализации подверглась существенным изменениям. В этом контексте идентичность мы будем как понимать процесс осознания индивидом себя в качестве части некоего сообщества, принятие системы ценностей, предлагаемой этим сообществом, и деятельность, направленную на поддержание существования данного сообщества.¹⁶⁷ Можно было бы предположить, что на фоне глобализации национальная идентичность станет постепенно размываться, уступая доминирующее положение глобальной или космополитической идентичности.

Французский исследователь международных отношений Жак Эрман называет этот процесс «плюриномией». «Плюриномия – пишет он, - это расплывчатая, размытая принадлежность к нескольким базам самоидентификации. Плюриномия порождает нормативные и ценностные конфликты, своеобразные «логические дуэли» идентификации. Нашему времени свойственна ярко выраженная плюриномия, господствующая в условиях, когда «новейший» индивид отказывается от жесткой однолинейной принадлежности и стремится прожить несколько жизней,

¹⁶⁷ Коноплин Ю.С., Красина О.В. Проблемы индивида как актора мировой политики в условиях развития процессов глобализации //Вестник Российского университета дружбы народов. – Серия: Политология. – 2001. – № 3. – С. 111–123. – С.115.

когда всемирный триумф капитализма, отрывающего культурную идентификацию от территориально - географической основы, порождает нечто вроде социальной шизофрении. Такой «новейший» индивид не чувствует более себя оплетенным родственными связями, а целиком погружается в транснациональные сети».¹⁶⁸ В этом контексте «абсолютный космополитизм смыкается с радикальным индивидуализмом».¹⁶⁹

Однако результаты эмпирических исследований показывают, что реальная ситуация более сложна. По данным, приводимым Пиппой Норрис, в конце XX века национальная идентичность действительно утратила имевшееся ранее безоговорочное первенство. Совокупные итоги опросов, проведенных в середине 90-х годов в рамках проекта «Всемирное исследование ценностей» («World Values Survey»), показали, что только 38% респондентов из 70 стран мира называют в качестве своей основной идентичности принадлежность к национальному государству, гражданами которого они являются (в том числе 41% жителей развитых постиндустриальных стран, 37% жителей развивающихся стран и лишь 32% жителей посткоммунистических стран).¹⁷⁰ Но пальму первенства национальная идентичность уступила вовсе не глобальной космополитической идентичности. Прямо наоборот: почти каждый второй (47%) респондент назвал в качестве базовой идентичности локальную или региональную принадлежность (53% жителей посткоммунистических стран, 49% развивающихся стран и 44% развитых постиндустриальных стран). В качестве «граждан земного шара» рассматривали себя лишь 15% опрошенных (16% жителей посткоммунистических стран, 15% жителей развитых постиндустриальных стран и 14% жителей развивающихся

¹⁶⁸ Эрман Ж. Индивидуализм и системный подход в анализе международной политики. // Индивиды в международной политике. – М.: Международная педагогическая академия, 1996. – С.36-48. – С.41.

¹⁶⁹ Эрман Ж. Указ. соч. – С.42.

¹⁷⁰ Norris P. Global governance and cosmopolitan citizens // Governance in a globalizing world. / Edited by Joseph S. Nye and John D. Donahue. – Washington: Bookings Institution, 2000. – P. 155-177.

стран).¹⁷¹ Молодое поколение, как и следовало ожидать, оказалось несколько более космополитичным. Среди представителей наиболее юной, из включённых в опрос на момент проведения исследования, возрастных когорт (1965-1978 годов рождения), о базовой глобальной идентичности заявили 21% респондентов, против 34% приверженцев национальной идентичности и 44% сторонников локальной идентичности.¹⁷² Подтверждая общую глобализационную динамику, эти данные ни в коей мере не дают основания для выводов о скором наступлении эпохи «космополитического гражданства».

Скорее, подтверждается концепция «глокализации», предполагающая формирование нового глобального единства на базе множества локальных сообществ.¹⁷³ Поскольку локальные сообщества в большинстве случаев не в состоянии решать проблему безопасности собственными силами, им требуется внешний арбитр для урегулирования споров. На роль такого арбитра могут претендовать уже существующие региональные политические организации, такие как ЕС, или глобальные структуры, такие как Совет безопасности ООН или «большая восьмёрка». Но переход от формирования локальных идентичностей к осознанию необходимости нового глобального миропорядка может занять достаточно длительный срок.

Наряду с конкурирующими территориальными и культурными идентичностями, альтернативой идентификации гражданина с национальным государством могут выступать транснациональные идеологические организации. Наиболее мощной организацией этого типа был II Интернационал, созданный в эпоху «золотого века мирового

¹⁷¹ Norris P. Ibid.

¹⁷² Norris P. Ibid.

¹⁷³ Roudometof V. Transnationalism, cosmopolitanism and glocalization // Current sociology. – 2005. – Vol. 53. – №. 1. – P. 113-135; Елин Д.В. Противоречивость процесса глобализации: локализация и глокализация // Общество: политика, экономика, право. - 2010. - № 1. - С. 14-17.

социалистического движения» конца XIX – начала XX столетия.¹⁷⁴ В конце XX века довольно успешно координировали свою деятельность партии из разных стран, придерживавшиеся схожих идеологических принципов. На этой основе в Европе получил распространение феномен «партийных семей», способных, в частности, формировать единые межгосударственные фракции в Парламентской ассамблее Совета Европы и Европарламенте.¹⁷⁵ Однако институциональные особенности европейской политики значительно сильнее привязывают партии к современному государству, чем в эпоху расцвета II Интернационала. Государственное финансирование партий, сложное законодательство, содержащее ряд ограничений на взаимодействие с зарубежными организациями, - всё это не позволяет партиям создавать полноценные транснациональные объединения. Иначе обстоят дела у менее формализованных социальных движений, участники которых в меньшей степени зависят от собственных государств, и легко объединяют усилия с единомышленниками за рубежом. На этом уровне идеологические идентичности, несомненно формируются, однако их роль в современной политике в целом существенно слабее, чем в начале XX века.

Кроме того, необходимо учитывать особую природу политического активизма, проявившегося в конце XX века в деятельности транснациональных неправительственных организаций и движений. В целом политический активизм всегда представлял собою сложное многосоставное явление, в составе которого можно выделить условные группы «карьеристов» и «верующих».¹⁷⁶ Карьеристы руководствуются преимущественно рациональными соображениями, в то время как верующие вдохновляются, главным образом, идейными соображениями. Карьеристы

¹⁷⁴ *Colas A.* Putting cosmopolitanism into practice: the case of socialist internationalism // Millennium-Journal of International Studies. – 1994. – Vol. 23. – №. 3. – P. 513-534. – P. 522.

¹⁷⁵ *Camia V., Caramani D.* Family meetings: Ideological convergence within party families across Europe, 1945–2009 // Comparative European Politics. – 2011. – Vol. 10. – №. 1. – P. 48-85.

¹⁷⁶ *Голосов Г.В.* «Карьеристы» и «Верующие»: Партии-преемницы в процессе демократизации. // Pro et Contra. - 1998. - № 3. - С. 57-73.

при необходимости с готовностью идут на компромиссы, а верующие проявляют склонность к протестному радикализму, в некоторых ситуациях доходящему до фанатизма.¹⁷⁷ На ранней стадии массовые политические движения с большим количеством идейных активистов обычно опираются на протестные настроения в социальных группах, интересы которых ущемляются при существующем порядке вещей. «Для того, чтобы броситься с головой в предприятие, связанное с большими переменами, - утверждал американский исследователь Эрик Хоффер, - люди должны быть крайне неудовлетворенными, не очень бедными и иметь такое чувство, что, обладая могучей доктриной, непогрешимым вождем или новыми методами, они получают доступ к источнику всепокрушающей силы. Одновременно они должны иметь преувеличенное представление о возможностях и перспективах будущего. И, наконец, они должны быть совершенно несведущими в трудностях, связанных с их предприятием».¹⁷⁸ Затем протестное движение берут под свой контроль карьеристы, которые, в случае успеха, могут войти в состав органов государственной власти.

На глобальном уровне складывается иная ситуация. В отсутствие эффективных глобальных политических институтов, карьеристам особенно не на что рассчитывать. Конечно, участие в деятельности транснациональных неправительственных организаций или в антиглобалистском движении может стать ступенькой в политической карьере для некоторых активистов, но это будет означать необходимость перехода в более традиционные политические структуры, действующие в масштабах национальных государств, например в партии леворадикального или праворадикального толка. Таким образом, отсутствие глобальных государственных институтов затрудняет шансы на формирование конструктивных, умеренных и

¹⁷⁷ *Sherkat D., Blocker T.* Explaining the political and personal consequences of protest. // *Social Forces*. – 1997. – Vol. 75. – №. 3. – P. 1049-1070.

¹⁷⁸ Хоффер Э. Истинноверующий: мысли о природе массовых движений. – Мн.: ЕГУ, 2001. – С.27.

реалистичных политических программ в рамках движений глобального гражданского общества.

Тем не менее, определённую надежду на возможность конструктивной интеграции глобального протестного движения в систему принятия мировых политических решений вселяет идеологическая размытость его контуров. С нашей точки зрения, в данной ситуации уместнее говорить не о превращении организации в идеологию в формулировке Л. Беннета,¹⁷⁹ а о замене идеологии брендом, или «идеологическом брендинге».¹⁸⁰ Активистам необходим достаточно широкий бренд, указывающий на базовую ценность движения, но не связывающий руки, и позволяющий формировать максимально широкие протестные коалиции. В возможности мгновенной массовой мобилизации на широкой ценностной основе состоит сила транснационального протестного активистского движения, но в этом заключается и его слабость. При переходе от провозглашения протестных лозунгов к выдвижению позитивных требований сетевое протестное движение не может говорить от собственного имени, поскольку у него нет общепризнанных легитимных спикеров.

В этот момент от имени протестного движения начинают высказываться системные политики и общественные деятели из транснациональных некоммерческих организаций, имеющие официальный консультативный статус при различных международных межгосударственных учреждениях, и хорошие контакты со СМИ. Однако такие политики не могут претендовать на статус лидеров протестного движения, ввиду очевидного отсутствия соответствующих полномочий. Тем самым, формируется гибкая многоуровневая структура глобального гражданского общества, опирающаяся на сетевое транснациональное

¹⁷⁹ *Bennett L. Social movements beyond borders: understanding two eras of transnational activism. // Transnational protest and global activism / Edited by Donatella Delia Porta and Sidney Tarrow. – Lanham, MD: Rowman and Littlefield, 2005. – P.216*

¹⁸⁰ *Гончаров В.Э. Идеологический брендинг «Единой России» // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. - 2010. - Т. 6. - № 1. - С. 68-82.*

активистское протестное движение, но представленная в процессе принятия политических решений международными некоммерческими организациями, разделяющими базовые идеологические бренды движения, такие как «глобальная справедливость» или «глобализация снизу».

Следует заметить, к тому же, что в непрактичности и оторванности от управленческой рутины есть и свои преимущества. Как отмечает А. Мартинелли «некоторые ученые приравнивают мировое общество к транснациональному гражданскому обществу».¹⁸¹ Естественно, никто не утверждает, что несколько сотен тысяч активистов протестных движений, или даже несколько миллионов участников транснациональных неправительственных организаций адекватно отражают интересы и ценности 7 миллиардов жителей Земного шара. Имеется в виду, что в рамках глобального гражданского общества создан форум для обсуждения важнейших проблем, волнующих человечество. «Гражданское общество, - утверждает Мартинелли, - это публичная сфера гражданской активности, институциональная сцена, характеризующаяся открытостью коммуникации, публичным использованием рационального критического мышления, концентрацией на публичном благе, а не на частных компромиссах».¹⁸² Обсуждение проблем общественного блага силами активистов глобального гражданского общества, постепенно проникает, как это было показано в предыдущем параграфе, и в повестку дня официальных межгосударственных глобальных политических институтов. Благодаря этому, в обсуждении международной политики и в обосновании внешнеполитического курса в рамках внутренней политики постиндустриальных демократических государств более весомую роль приобрели этические аргументы.

¹⁸¹ *Мартинелли А.* От мировой системы к мировому обществу? // Социологические исследования. - Январь 2009. - № 1. - С. 5-15. – С.7.

¹⁸² *Мартинелли А.* Указ. соч. – С.7.

Как отмечает французский теоретик международных отношений Мишель Жирар: «Исключение индивидуализма, которое характеризовало период господства реализма, как и большинство последующих теоретических фаз, во многом способствовало ярко выраженной маргинализации этики международных отношений и нередкой деградации этической амбиции в тривиальный прагматизм. Современное возвращение индивида составляет конечно необходимое, если не достаточное, условие возможного восстановления этической точки зрения в мысли и в действии в международной политике».¹⁸³

Речь идёт именно о восстановлении этической перспективы в международной политике, а не её создании на пустом месте. По мнению профессора Лозаннского университета Клауса Гизена, в конце XIX века пользовались значительной популярностью концепции идеализма в международной политике, предполагавшие возможность постепенного построения всемирного правового государства.¹⁸⁴ Лишь эпоха мировых войн первой половины XX столетия снизила привлекательность этически фундированного идеализма, поскольку международные правовые нормы успешно и безнаказанно нарушались крупнейшими мировыми державами. Реализм и структурализм, как концептуальные парадигмы теории международных отношений, доминировавшие в эпоху холодной войны, отводили этическим принципам значительно менее важную роль в мировом политическом процессе. На фоне идеологического и военного противостояния между двумя политическими блоками государств, возглавляемых великими державами, призывы к верховенству

¹⁸³ Жирар М. Возвращение индивидов в международную политику: иллюзии и воображение. // Индивиды в международной политике. – М.: Международная педагогическая академия, 1996. – С.10-25. - С.24.

¹⁸⁴ Гизен К. Между теорией принятия решений и структурализмом: слабая роль индивидуальной этики в теориях международных отношений. // Индивиды в международной политике. – М.: Международная педагогическая академия, 1996. – С.26-35. – С.27.

общечеловеческих этических принципов воспринимались в лучшем случае как беспочвенные благие пожелания.

Всё изменилось в конце столетия, когда крах советского военно-политического блока в сочетании с новой мировой волной демократизации создал новую возможность для нормативного обсуждения вопросов международных отношений и глобальных проблем. При этом концептуальной базой нормативного подхода стала индивидуальная этика, основанная на признании фундаментальной ценности прав человека. Единственной практической альтернативой гегемонии прав человека стало утверждение безусловной приоритетности суверенитета национальных государств. Но эту сугубо оборонительную позицию удерживают, главным образом, политические элиты авторитарных государств, стремящиеся обосновать культурную исключительность собственной страны и собственное право на локальную политическую гегемонию. В глобальном масштабе дискурс национального суверенитета выглядит не особенно убедительно, поскольку на его основе невозможно разработать принципы интеграции усилий для решения глобальных проблем.

Тем самым, в конце XX века сложились предпосылки для преодоления принципиального разрыва между внутренней и международной политикой. Этот процесс быстрее всего пошёл на уровне гражданского общества, активисты которого стали апеллировать к общечеловеческим ценностям прав человека, как фундаментальной основе глобальной делиберативной демократии.¹⁸⁵ Проблема в том, что глобальное гражданское общество как совокупность транснациональных неправительственных организаций и движений ещё менее способно выражать интересы человечества в целом, чем правительства национальных государств, делегирующие своих представителей в глобальные международные организации, такие как ООН

¹⁸⁵ *Dryzek J.* Deliberative global politics: Discourse and democracy in a divided world. – Cambridge: Polity, 2006; *Bexell M., Tallberg J., Uhlin A.* Democracy in global governance: The promises and pitfalls of transnational actors // *Global Governance: A Review of Multilateralism and International Organizations.* – 2010. – Vol. 16. – №. 1. – P.. 81-101.

или ВТО. Активисты глобального гражданского общества выражают ценности определённых слоёв общества разных стран мира, причём довольно часто они отдают предпочтение достаточно радикальным версиям идеологических концепций, основанных на этих ценностях. Этого хватает, пока задачи глобального гражданского общества ограничиваются привлечением общественного внимания к наиболее жгучим проблемам мирового сообщества, а также ограничению бесконтрольной власти транснациональных корпораций и глобальной бюрократии. Но этого недостаточно для разработки реалистичных стратегий по решению глобальных проблем. Активисты глобального гражданского общества претендуют на то, чтобы выступать от имени «безмолвствующего большинства», но мандата на это у них нет. Более того, нельзя исключить, что по мере расширения глобального политического участия в тех или иных формах и формирования глобального общественного мнения, позиции, занимаемые нынешними активистскими структурами глобального гражданского общества, окажутся, скорее, маргинальными, чем доминирующими.

Развитие глобального гражданского общества в конце XX – начале XXI века проходило в форме транснационального активизма.¹⁸⁶ Можно предположить, что в этом случае, как и в случае политического активизма внутригосударственного масштаба, установки и ценности активистов не совпадут с установками обычных граждан. Как гласит так называемый «закон Мэя» «существует большее соответствие между установками и мнениями высшей элиты и установками неэлиты, чем между последними и установками на уровне сублидеров».¹⁸⁷ К числу сублидеров Мэй относил, в частности, «людей, занятых в различных вспомогательных организациях и

¹⁸⁶ См. *Reitan R. Global activism.* – N.Y.: Routledge, 2007.

¹⁸⁷ *Демкер М. Закон Мэя: структура взглядов в политических партиях. / Теория и методы в современной политической науке: Первая попытка теоретического синтеза / под ред. С.У. Ларсена.* – М.: РОССПЭН, 2009. – С.558-578. – С.561.

добровольных движениях, связанных с партией».¹⁸⁸ Иначе говоря, активисты среднего звена, обычно более радикальны, чем партийные лидеры и рядовые избиратели. Для выводов о том, работает ли закон Мэя в глобальном масштабе, пока нет достаточных эмпирических данных, но очевидно, что в антиглобалистском движении, составляющем заметную часть глобального гражданского общества, радикалы всех мастей представлены в изобилии.

Исходя из этого, можно заключить, что глобальное гражданское общество в его активистской форме является лишь паллиативом, пригодным в ситуации отсутствия работающих механизмов политического представительства в мировом масштабе. Роль индивидуальных ценностей и этических принципов в международной политике постепенно растёт, в том числе в результате усилий неправительственных организаций и транснациональных движений.

Таким образом, на основании анализа концептуальных характеристик участия индивида в глобальном гражданском обществе мы приходим к следующим выводам:

1. В конце XX – начале XXI века национальная идентичность индивидов стала ослабевать, уступая локальной и, в меньшей степени, глобальной идентичности, в рамках общей тенденции «глокализации» мировой политики. В результате появились предпосылки для формирования нового феномена международного политического процесса – глобального гражданского общества.
2. Глобальное гражданское общество в конце XX столетия представляло собой, преимущественно, результат деятельности идейно ориентированных активистов, стремящихся внести свой вклад в решение мировых проблем, таких как бедность, несправедливость, войны, разрушение природной среды и др.
3. Благодаря усилиям активистов неправительственных организаций и транснациональных движений глобального гражданского общества

¹⁸⁸ Там же.

в публичном дискурсе международных отношений, и, в том числе, в официальных документах межгосударственных глобальных политических институтов более весомое место заняла аргументация этического характера, основанная на идее приоритета прав человека.

4. Установки, ценности, программы и лозунги активистов глобального гражданского общества в сложившейся ситуации носят довольно радикальный характер и не вполне соответствуют интересам и потребностям значительных социальных групп, а также наиболее распространённым установкам общественного мнения. В связи с этим можно предполагать, что по мере формирования механизмов легального политического участия индивидов в решении глобальных проблем и создания механизмов демократического влияния на принятие глобальных политических решений, активистская версия глобального гражданского общества уступит место более сбалансированным его моделям.

2.3. Космополитизм как фактор развития посткоммунистических обществ

Интенсивное развитие новой фазы глобализации в конце XX века совпало с радикальными трансформациями социально-политических систем в посткоммунистических странах. Если ранее бытовала устойчивая терминология, делившая человечество на три части («первый мир» - развитые индустриальные демократические страны, «второй мир» - страны социалистического содружества во главе с СССР, «третий мир» - бедные развивающиеся страны), то внезапное исчезновение «второго мира» послужило весомым аргументом в пользу идеи о существовании единого, общего для всех мира. Согласно этой концепции, между отдельными странами и регионами сохраняются существенные различия, но в целом развитие идёт в одном направлении, общий вектор которого задан развитыми странами Запада.

В этой ситуации повысилась популярность доктрины космополитизма, зародившейся ещё в древней Греции. Суть этой доктрины состоит в желательности объединения мира и установления единого мирового гражданства. Космополитические элементы присутствовали и в учении христианской церкви. Согласно известному изречению апостола Павла «нет ни эллина, ни иудея, поскольку все едины во Христе».¹⁸⁹ На этом постулате основана, в частности, миссионерская деятельность различных христианских конфессий во всех регионах земного шара. Именно христианские церкви представляют собой наиболее мощные космополитические организации в современном мире.

В эпоху европейского Просвещения наиболее масштабный космополитический проект был выработан Иммануилом Кантом, чьи идеи до сих пор востребованы сторонниками космополитической политики,

¹⁸⁹ *Логинов А.В.* Кризис современного государства и идеология космополитизма // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. - 2011. - № 15. - С. 22-30. – С.24.

предполагающей всеобщее равенство, включение всех в универсальную человеческую идентичность космополитического мира в состоянии культурного универсализма.¹⁹⁰ При всей специфике марксистской концепции «пролетарского интернационализма» в ней также присутствовали довольно ярко выраженные космополитические элементы, как, к примеру, в стихах близкого к большевикам поэта Владимира Маяковского.

«Мы живем, зажатые железной клятвой.

За нее - на крест, и пулю чешите:

это - чтобы в мире без России, без Латвии,
жить единым человеческим общежитьем».¹⁹¹

Впрочем, в середине 20-х годов прошлого века большевики взяли курс на строительство социализма в одной отдельно взятой стране, получивший логическое завершение в кампании по борьбе с «безродным космополитизмом» в эпоху позднего сталинизма. По понятным причинам космополитизм в мире национальных государств не мог претендовать на статус полноценной политической идеологии, хотя элементы космополитического дискурса могли быть востребованы государственной властью в империях при отсутствии господствующего этноса.

На личностном уровне космополитизм, как было показано в предыдущем параграфе, смыкался с радикальным индивидуализмом и обосновывал автономию индивида от посягательств государственной власти, требовавшей от него полной лояльности и подчинения идеологии государственного патриотизма. В этом контексте космополитизм представляет собой естественное мировоззрение для бизнесменов, артистов, учёных и других профессионалов высокого уровня, которые в силу специфики своих занятий, постоянно переезжают из одной страны в другую, не формируя какой-бы то ни было национальной или локальной

¹⁹⁰ *Кастиллио М.* Политика космополитизма: от универсализма к плюрализму // Кантовский сборник. - 2013. - № 2. - С. 19-32. – С.21-22.

¹⁹¹ *Маяковский В.В.* Товарищу Нетте, пароходу и человеку. <http://www.stihi-rus.ru/1/Mayakovskiy/50.htm>

идентичности. Некоторые исследователи на этом основании делают вывод о том, что тенденция космополитизации сознания людей является естественным отражением процессов глобализации в духовной сфере, иначе говоря «эмпирическим космополитизмом».¹⁹²

Сторонники концепции неизбежности космополитизма, как единственного адекватного мировоззрения эпохи глобализации считают необходимым перейти к поэтапному строительству институтов глобальной космополитической демократии. Очевидно, что речь идёт о весьма долгосрочном проекте, рассчитанном на столетия. Критики данной концепции указывают на её многочисленные уязвимые места, в частности, отсутствие единого народа («демоса»), без которого власть народа (демократия) невозможна по определению. Однако сторонники институтов космополитической демократии отстаивают позицию, согласно которой сообщества могут возникать на базе институтов, и создание всемирных представительных органов, пусть даже с символическими полномочиями, способно стать первым шагом на пути к новому глобальному демократическому мироустройству.¹⁹³

Альтернативный подход связывает космополитизм с продвижением идеи освобождения человека от государственного диктата. Как утверждает Роберт Файн: «Космополитизм Просвещения следует понимать не как глобальный план захвата мира, но как освободительный проект, указывающий на общность человеческой природы жителей Запада и Востока и на бесчеловечность, которую приносят в мир имперские замыслы».¹⁹⁴ В аналогичном ключе рассматривают эту доктрину авторы работы о социологии космополитизма Гэвин Кэндал, Ян Вудвод и Златко Скрибис. « В конечном счёте, - заключают они, - космополитизм является методом

¹⁹² Бек У. Космополитическое мировоззрение. - М.: Центр исследований постиндустриального общества. - 2008. - С.221.

¹⁹³ Archibugi D. Cosmopolitan democracy and its critics: a review //European Journal of International Relations. – 2004. – Vol. 10. – №. 3. – P. 437-473.- P.461.

¹⁹⁴ Файн Р. Космополитизм эпохи просвещения: западный или всемирный? // Новое литературное обозрение. - 2011. - № 110. - С. 117-134. – С.117.

осознания себя и других в рамках политической структуры, основанной на концепциях прав человека, человеческого достоинства и всеобщего гражданства. Эти концепции развиты в наиболее полной форме в либеральных демократиях Запада».¹⁹⁵ В этом смысле связь между космополитизмом и глобальным Западом ограничивается лишь тем обстоятельством, что базовые ценности космополитизма в западных либеральных демократиях получили наиболее полное воплощение.

Несомненно, у этой доктрины обнаруживается откровенное идеологическое содержание, и в национальном политическом контексте не западных стран её обсуждение зачастую превращается в противостояние «западников» и «антизападников». Последние настаивают на самобытности исторического пути своих стран и, вытекающих из этого цивилизационных различиях между условным Западом и другими регионами земного шара. Теоретические аргументы в поддержку тезиса о цивилизационных различиях были изложены в работах известного американского политолога Сэмюэля Хантингтона, по мнению которого после краха коммунистического блока «возникает мировой порядок, основанный на цивилизациях: общества, имеющие культурные сходства, сотрудничают друг с другом; попытки переноса обществ из одной цивилизации в другую оказываются бесплодными».¹⁹⁶ При этом «универсалистские претензии Запада всё чаще приводят к конфликтам с другими цивилизациями».¹⁹⁷

В посткоммунистических странах Восточной Европы и европейской части бывшего СССР космополитический дискурс стал претендовать на роль полноправной внутриполитической идеологии. Важнейшей предпосылкой для этого стал успешный процесс интеграции Западной Европы, осуществлённый во второй половине XX столетия, и приведший к формированию полноценного политического объединения после заключения

¹⁹⁵ Kendall G., Woodward I., Skrbis Z. The Sociology of Cosmopolitanism: Globalization, Identity, Culture and Government. - N.Y.: Palgrave Macmillan. – 2009. - 177 P. – P.78.

¹⁹⁶ Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ. – 2003. – С.15.

¹⁹⁷ Там же.

в 1992 году Маастрихтского договора о создании Европейского Союза. Членство в ЕС, являвшимся на тот момент клубом экономически развитых демократических стран, немедленно превратилось в вожделенную цель для многих недавних коммунистических стран. Именно в этом историческом контексте оказалось оправданным соединение либеральных и космополитических ценностей. Ряд авторов даже трактуют космополитизм в качестве неотъемлемой составляющей идеологии современного либерализма.¹⁹⁸

Как отмечает Герберт Китчелт, в Восточной Европе начала 90-х годов социалисты и либералы опирались на общие ценности социального либерализма и космополитизма, хотя и расходились друг с другом по вопросам экономической политики, которые в том историческом контексте казались второстепенными. Им противостояли религиозно ориентированные националистически-авторитарные партии, которые также придерживались различных экономических позиций.¹⁹⁹ Притяжение ЕС стало для посткоммунистических стран Восточной Европы важным фактором обеспечения успешного демократического перехода.

Как правило, переход к демократии считается успешным после, как минимум, трёх мирных конституционных смен партий у власти по итогам конкурентных выборов. Проблема состоит в том, что переход от авторитаризма к демократии зачастую происходит на фоне экономического кризиса. Если победителям первых демократических выборов не удаётся в короткие сроки добиться убедительного социально-экономического прогресса, избиратели могут разочароваться не только в избранных политических лидерах, но и демократии, как таковой. В этой ситуации приобретают популярность идеи отказа от не оправдавшей надежд

¹⁹⁸ *Lu C.* Cosmopolitan liberalism and the faces of injustice in international relations // *Review of International Studies*. – 2005. – Vol. 31. – №. 2. – P. 401-408; *Langlois A.* Human rights and cosmopolitan liberalism // *Critical Review of International Social and Political Philosophy*. – 2007. – Vol. 10. – №. 1. – P. 29-45.

¹⁹⁹ *Kitschelt H.* Formation of Party Cleavages in Post-Communist Democracies Theoretical Propositions // *Party Politics*. – 1995. – Vol. 1. – №. 4. – P. 447-472. – P.465.

демократии, и нарастает запрос на «сильную руку» у власти. Именно поэтому теоретики демократического транзита говорят о мировых «волнах демократизации», после которых обычно следуют откаты назад.²⁰⁰

Однако подобная логика работает в том случае, если демократия сама по себе не представляется особо ценным ресурсом в глазах большинства избирателей. В частности, в российском политическом дискурсе начала нулевых годов некоторые публицисты трактовали нарастание авторитарных тенденций в политике как сделку между народом и властью согласно принципу «демократия в обмен на колбасу».²⁰¹ В странах Восточной Европы демократия воспринималась в качестве одного из необходимых элементов для интеграции с ЕС и, вследствие этого, ожидаемого роста уровня благосостояния. Дело в том, что от стран, претендующих на вступление в ЕС, требуется соответствовать так называемым Копенгагенским критериям, принятым в июне 1993 года на заседании Европейского совета в Копенгагене. Эти критерии требуют, чтобы в государстве соблюдались демократические нормы, уважались права и свободы человека, а также принцип верховенства права.

В то же время ценность европейской интеграции для посткоммунистических стран представлялась самоочевидной. Как отмечает немецкий политолог Эльмар Альтфатер «Более развитые общества «демонстрируют отстающим свои образцы потребления и производства..., этот демонстрационный эффект, возможно, был самым важным дестабилизатором коммунистических стран. Вследствие территориальной близости стран Центральной и Восточной Европы к богатым западным «обществам потребления» этот аргумент нельзя игнорировать».²⁰²

²⁰⁰ Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века. – М.: РОССПЭН, 2003. – С.26.

²⁰¹ См. Белковский С. «Пакт «свобода в обмен на колбасу» больше не действует». <http://mirnov.ru/arhiv/mn940/mn/03-2.php>

²⁰² Альтфатер Э. Геоэкономика и новый «арбитражный» капитализм. Пространственные и временные режимы в процессе постсоциалистической трансформации. / Повороты

Различные неправительственные организации стран региона, пребывавшие в условиях коммунистических режимов в зачаточном состоянии, в ходе посткоммунистической трансформации быстро интегрировались в формирующееся глобальное гражданское общество. Важным стимулирующим фактором этого процесса стали программы содействия демократизации посткоммунистических стран, реализуемые множеством государственных и неправительственных фондов развитых западных стран. Многие общественные организации посткоммунистических стран получали гранты на реализацию различных социально значимых проектов. Для некоторых неправительственных организаций региона поиск грантов и выполнение программ, на которые получено зарубежное финансирование, превратились в основное направление профессиональной деятельности. Впрочем, в большинстве случаев эта деятельность вполне соответствовала заявленным целям некоммерческих организаций, и приносила реальную пользу обществам, переживающим болезненный процесс посткоммунистической трансформации.

Зависимость от зарубежных грантов, с одной стороны, ослабила связи некоммерческих структур с социальными группами, чьи интересы они изначально выражали, но, с другой стороны, резко ускорила процессы формирования трансграничных связей с зарубежными коллегами и единомышленниками. Тем самым значительный сегмент гражданского общества в посткоммунистических странах приобрёл космополитические ценности, и усвоил опыт эффективных взаимодействий на международном уровне. Обращение к зарубежному опыту (преимущественно, опыту развитых демократий) стало постоянным аргументом в политическом дискурсе посткоммунистических стран. Кроме того, некоммерческие организации и политические объединения, придерживающиеся

космополитических установок, часто обращались за помощью к зарубежным партнёрам для решения внутриполитических проблем.

Тем самым, они использовали так называемый «эффект бумеранга». Под этим термином понимается процесс взаимодействия международных и национальных организаций гражданского общества в их координированном влиянии извне и снизу на политику правительств отдельных стран (см. Схему № 1).

Схема № 1. Эффект бумеранга.²⁰³

Проблема в том, что правительства и часть общественности посткоммунистических стран нередко «воспринимают помощь международных общественных организаций их национальному гражданскому обществу как политическое вмешательство во внутренние дела страны и помощь внутренней политической оппозиции. А учитывая то, что большая часть программ демократического развития и поддержка международных НГО осуществляются с территории США, глобальное гражданское общество и деятельность его центров часто ассоциируются с американским влиянием».²⁰⁴

²⁰³ Степаненко В. Глобальное гражданское общество: концептуализации и посткоммунистические вариации. // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2005. - № 2. - С.156-175. – С.170.

²⁰⁴ Степаненко В. Указ. соч. – С.172.

Фактически космополитизм как идеология и образ действий части гражданского общества посткоммунистических стран, объединяет в себе ценности всемирного освободительного проекта, направленного против абсолютного суверенитета национальных государств с опорой на инфраструктуру гражданского общества развитых стран. В этом и состоит специфика сегмента глобального гражданского общества посткоммунистических стран. Антиглобалистская составляющая международного гражданского общества существенно менее популярна в среде местных активистов.

Во-первых, антиглобалистская риторика в регионе более востребована политическими силами, выступающими за особый путь страны и отстаивающими традиционные ценности против разрушительных, по их мнению, влияний извне, ущемляющих национальный суверенитет и создающих угрозу общественной морали. Во-вторых, антиглобалистские идеи находят социальную базу в основном в группах, проигравших от глобализации, к примеру, среди промышленных рабочих развитых стран, оказавшихся под угрозой увольнения из-за переноса трудоёмких производств в развивающиеся страны с низким уровнем издержек на оплату рабочей силы.

Посткоммунистические страны, где уровень заработной платы существенно ниже, чем в развитых странах, скорее, выигрывают от этого процесса. Социальная база антиглобализма в посткоммунистических странах Восточной Европы значительно уже, чем в развитых странах Запада, а перспективы интеграции в состав «первого мира» существенно реальнее, чем в большинстве развивающихся стран. Вследствие этого, идеология активистской части глобального гражданского общества в посткоммунистических странах региона, в большей мере, склоняется в направлении либерального космополитизма, чем социально ориентированного антиглобализма. Эта ситуация в среднесрочной перспективе может измениться. Наиболее успешные страны бывшего

социалистического лагеря, такие как Чехия или Словения, уже вплотную приблизились к социально-экономическим и политическим стандартам стран Южной Европы, а ряд окраин бывшего Советского Союза, таких как Таджикистан или Киргизия надолго оказались в «третьем мире». В обоих случаях появляется социальная база для движения против «неолиберальной глобализации». В наиболее преуспевших странах её мотивом будет забота о защите социальных гарантий и борьба с наплывом трудовых мигрантов, а в бедных странах – естественное для третьего мира стремление добиться изменения глобальной экономической модели с целью преодоления социальной пропасти между глобальным Севером и Югом.

Поэтому в конце XX – начале XXI столетий космополитизм в посткоммунистических странах представлял собою, скорее переходную форму идеологии активистского варианта гражданского общества, способствуя его интеграции в глобальное гражданское общество, но сохраняя специфические характеристики, обусловленные особенностями эпохи и институциональными характеристиками трансформирующихся политических режимов.

Таким образом, на основании анализа роли космополитизма в развитии посткоммунистических обществ мы приходим к следующим выводам:

1. Популярность концепции космополитизма в современном мире прямо связана с процессами глобализации, и может трактоваться как их отражение в духовной сфере. Вместе с тем, такого рода «эмпирический космополитизм» пока получил распространение лишь в довольно узких кругах лиц, чей образ жизни не предполагает устойчивых идентификаций с национальной культурой и государственностью.
2. Реализация космополитических проектов, ведущих к созданию полноценных всемирных представительных институтов и мирового гражданства, в обозримом будущем представляется маловероятной. Однако увеличение прозрачности и подотчётности существующих

международных организаций в результате усилий активистов глобального гражданского общества можно рассматривать как первый шаг в направлении формирования системы глобальной космополитической демократии.

3. В доктрине космополитизма присутствует очевидное идеологическое содержание, позволяющее рассматривать космополитизм как освободительный проект, связанный с либерализмом, и частично реализуемый в западных либеральных демократиях.
4. В посткоммунистических странах Восточной Европы и европейской части бывшего СССР космополитический дискурс приобрёл особенно важную роль, поскольку реальная перспектива интеграции в Европейский Союз послужила здесь дополнительным основанием внутривнутриполитического раскола между либерально-косполитическими и авторитарно-традиционалистскими силами. Кроме того, общее предпочтение граждан и основных фракций политической элиты о желательности европейской интеграции обеспечило здесь успех демократического транзита.
5. Масштабная поддержка формирующихся структур гражданского общества со стороны различных государственных и негосударственных фондов развитых демократических стран усилила космополитические установки среди гражданских активистов посткоммунистических стран Восточной Европы. Кроме того, тесные связи между неправительственными организациями региона и их западными партнёрами усилили так называемый «эффект бумеранга», позволяющий оказывать давление на правительства в случае их отступления от базовых принципов демократии и верховенства права.
6. Специфика развития глобального гражданского общества в посткоммунистических странах Восточной Европы состоит в более

широком распространении среди активистов либерально-космополитических установок и относительной слабости в регионе антиглобалистского движения. Однако речь идёт о временном эффекте посткоммунистической трансформации и в среднесрочной перспективе можно ожидать более тесной интеграции активистской формы гражданского общества в регионе в глобальное гражданское общество, на базе доминирующей в этом течении критической установки по отношению к неолиберальной глобализации.

Выводы по второй главе

1. На фоне ускорения процессов глобализации в конце XX века, система международных отношений в целом продолжала сохранять анархический характер. Те немногочисленные глобальные управленческие структуры, которые всё же оказывались в состоянии выработать и осуществлять политические решения, нацеленные на решение общемировых проблем, в свою очередь страдали от недостатка прозрачности и подотчётности в своей деятельности. В этой ситуации расширение участия транснациональных неправительственных организаций в деятельности глобальных политических институтов стало способом хотя бы отчасти сократить разрыв между глобальной элитой и рядовыми жителями земного шара. Вследствие этого в конце XX столетия заметно увеличилось вовлечение структур глобального гражданского общества в процесс консультаций с представителями официальных международных организаций, а многие авторитетные неправительственные ассоциации получили формальный консультативный статус. В результате интенсифицировался процесс разработки правовых основ взаимодействия структур гражданского общества с ведущими субъектами мировой политики. Таким образом, институты глобального гражданского общества в конце прошлого столетия превратились в неотъемлемый элемент мирового политического процесса.
2. Размывание национальной идентичности и набирающая силу эмансипация индивидов от принудительного государственного патриотизма способствовали более активному вовлечению рядовых граждан различных стран мира в политические процессы на международном уровне. Формирование активистской версии глобального гражданского общества вернуло в международную

политику этический аспект. Сотни тысяч альтруистично настроенных активистов глобального гражданского общества смогли привлечь внимание общественности к ряду жгучих проблем современного мира и утвердить в качестве основы дискурса международных организаций концепцию универсальных и неотъемлемых прав человека.

3. В посткоммунистических странах Восточной Европы сформировался особый сегмент глобального гражданского общества. Доминирующей идеологией активистов глобального гражданского общества здесь стала не критика «неолиберальной глобализации», а особая версия либерального космополитизма, в основе которой лежал проект европейской интеграции. Именно в этом регионе был наиболее эффективно применён «эффект бумеранга», позволяющий влиять на правительства национальных государств, опираясь на ресурсы глобального гражданского общества. Это обстоятельство во многом способствовало относительно успешной демократизации посткоммунистических стран Восточной Европы и предотвращению масштабного авторитарного отката.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Зародившаяся в начале 90-х годов прошлого века, концепция глобального гражданского общества, очень быстро стала важным элементом современной политической теории. В этой концепции содержался позитивный идеал, обещавший решение наиболее жгучих проблем мирового сообщества. Появление всемирной компьютерной сети Интернет, ускорение движения финансового капитала, перемещение трудоёмкого промышленного производства в развивающиеся страны, культурная экспансия Голливуда, и множество других проявлений глобализации неоспоримо свидетельствовали о переходе мировой социально-экономической системы в новое качество.

При этом глобальная политическая система трансформировалась значительно медленнее, сохраняя институциональный дизайн эпохи Холодной войны. Третья волна демократизации закрепила за либеральной демократией статус наиболее распространённого способа организации политического взаимодействия внутри государств. Но на глобальном уровне решения принимались по-прежнему в результате закулисных переговоров лидеров наиболее мощных в военном и экономическом отношениях стран. Реальных механизмов демократизации мировой политики предложено не было. Космополитическая демократия глобального масштаба выглядит пока не более чем утопическим проектом, воплощение которого в жизнь может потребовать столетий.

В этой ситуации оказалась востребована концепция глобального гражданского общества, как инструмента, способствующего эффективному решению глобальных проблем, увеличивающему степень прозрачности и подотчётности международной политики, но не ставящего под угрозу существующие политические институты. За неё ухватились сторонники «пост-вестфальского» мира, надеющиеся сформировать правовые основы глобального мироустройства на базе универсальных ценностей, таких как

права человека, экологическая стабильность, справедливость и устойчивое развитие. Она также пригодилась сторонникам социалистических ценностей, оказавшихся в тяжёлом идейном кризисе после краха советского блока и исчезновения реальной альтернативы либерально-капиталистическому устройству общества. Для них концепция глобального гражданского общества превратилась в инструмент борьбы с неолиберальной версией глобализации, которой они противопоставляли идеи «антиглобализма» или «глобализации снизу».

Социалисты радикального толка традиционно рассматривали транснациональные корпорации в качестве основного виновника социальных проблем современного мира, и приписывали им, в частности, ответственность за бедственное положение жителей развивающихся стран. Наряду с транснациональными корпорациями вина возлагалась на государства, превратившиеся согласно классическому марксистскому подходу в «комитеты по делам буржуазии». Силами этих субъектов мирового управления, по мнению радикальных социалистов, создана система глобальной эксплуатации и отчуждения. Напротив, гражданское общество, понимаемое как совокупность добровольных ассоциаций, не стремящихся к прибыли и государственной власти, воплощает в себе основные черты социалистического идеала, такие как свобода, равенство, справедливость и самоуправление. В рамках данного подхода за пределы гражданского общества выводятся группы интересов, связанные с бизнесом.

Фактически концепция глобального гражданского общества в считанные годы превратилась в знамя мирового протестного движения. Именно её размытость и отсутствие теоретического консенсуса по вопросу содержательного наполнения данной доктрины, позволила объединиться под этим знаменем всем недовольным существующим мировым порядком, несмотря на глубокие расхождения в позитивных политических установках.

В то же время эмпирические исследования глобального гражданского общества концентрируются на изучении деятельности транснациональных

движений и неправительственных организаций, стремящихся оказать влияние на принятие решений глобального масштаба. Иначе говоря, речь идёт об «активистской версии» глобального гражданского общества. Особого успеха добиваются активистские организации, способные создавать информационные поводы, и привлекать внимание СМИ. Деятельность других организаций, вовлечённых в повседневную работу по решению своих профильных задач, но не принимающих участия в протестном движении, зачастую остаётся «за кадром», и вызывает меньше интереса общественности. В частности, речь идёт о транснациональных общественных движениях религиозного толка, составляющих важную часть глобального гражданского общества в любом возможном понимании этого термина, но не являющихся, при этом элементом протестного антиглобалистского движения.

Идеологические коннотации, заложенные в самом термине «глобальное гражданское общество» оказывают воздействие и на академическую полемику по поводу этой концепции. Доминирование неограмшианских моделей интерпретации гражданского общества сместило акцент в осмыслении этого феномена мировой политики в направлении исследований процесса борьбы за глобальную идейную гегемонию. Такая борьба действительно происходит, и в коммуникационных стратегиях целого ряда политических сил концепции глобального гражданского общества отводится важное место.

Но, с нашей точки зрения, наследие классической политической теории гражданского общества не исчерпывается проблематикой борьбы за идейную гегемонию. Есть ещё два важных аспекта концепции гражданского общества, которые могут востребованы при создании новой теоретической парадигмы осмысления трансформации мировой политики в эпоху глобализации.

В первую очередь, речь идёт о границах феномена гражданского общества. Популярные в современной литературе ограничительные интерпретации гражданского общества, исключаящие из этой сферы бизнес,

или даже любые группы не альтруистических интересов, преследуют, преимущественно, задачу создания имиджа безгрешности активистских гражданских структур. Отсутствие у активистов глобального гражданского общества видимых своекорыстных интересов поддерживает их претензию высказываться от имени мирового «безмолвствующего большинства».

Между тем, не менее перспективным теоретическим решением может быть апелляция к гегелевской концепции гражданского общества, некоторые элементы которой способны пролить свет на метаморфозы мировой политики эпохи глобализации. В частности, целый ряд государств уже утратил некоторые элементы абсолютного суверенитета, в частности монопольное право на применение насилия на собственной территории. В ситуации масштабных этнических конфликтов международные структуры или более мощные в военном отношении государства способны эффективно вмешиваться в ход событий вопреки воле руководства государства, на чьей территории происходит конфликт. Так происходило в 90-х годах в период конфликтов на территории бывшей Югославии, и в 2008 году во время боевых действий на территории Грузии. Базовым обоснованием вмешательства извне была доктрина верховенства прав человека, и необходимости защиты этнических меньшинств.

Многие государства добровольно передают некоторые свои полномочия региональным экономико-политическим объединениям и военным блокам. Статус таких государств в рамках процесса «глокализации» стал приближаться к статусу структур местного и регионального самоуправления. А эти структуры, в свою очередь, уже близки по сфере компетенции к организациям гражданского общества. В конституциях ряда государств мира, включая Россию, закреплён принцип, согласно которому органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти. При этом у них остаётся административная власть и возможность принудительно обеспечивать выполнение своих решений в рамках имеющихся полномочий, при необходимости обращаясь за

поддержкой к силовым структурам государства. Некоторые неправительственные организации в ряде стран реализуют аналогичный набор функций, в том числе и с помощью прямого государственного финансирования. В частности, Европейский Союз выделяет на различные социальные программы значительный объём финансовых ресурсов, передавая их неправительственным организациям, ввиду их меньшей бюрократизированности и более высокой эффективности в решении профильных задач.

При этом государства всеобщего благосостояния, утрачивая часть суверенитета, но сохраняя за собой социальные функции, превращаются понемногу в один из элементов глобального гражданского общества. В гегелевской теоретической концепции гражданского общества подобную роль выполняли средневековые корпорации. Здесь обеспечивается возможность массового политического участия, в результате чего каждый гражданин приобретает опыт влияния на принятие значимых для него управленческих решений в сообществе. Тем самым снимается проблема неадекватности активистской версии глобального гражданского общества ввиду ценностного разрыва между политическими активистами и рядовыми гражданами. Кроме того, в расширительной версии концепции глобального гражданского общества нет необходимости в исключении свободной борьбы интересов куда-то за пределы гражданского общества. Единственное, что остаётся за этими пределами, - это сфера организованного насилия, выходящая за рамки простых полицейских функций поддержания правового порядка. Она переходит в функции полномочий будущего глобального государства, чьё институциональное устройство пока невозможно прогнозировать. Глобальное гражданское общество в рамках такой нормативной модели будет тождественно сфере мирных цивилизованных договорных отношений между различными субъектами права. Правовая система, в свою очередь, должна опираться на презумпцию приоритета основных прав человека перед правами ассоциаций.

Конечно, подобное расширение сферы глобального гражданского общества связано с известными методологическими сложностями. В частности, в рамках гегельянской модели гражданскому обществу исторически предшествует правовое государство. На данном же этапе мы наблюдаем более интенсивное развитие активистской версии глобального гражданского общества в сравнении с формированием мировой структуры обуздания массового насилия, из которой могло бы вырасти глобальное государство. Кроме того, интеграция принципа сословности (гражданства, обусловленного рождением) и обязательного членства в корпорациях (не суверенных государствах) в современную версию глобального гражданского общества прямо противоречит идее добровольности взаимодействий в гражданском обществе.

Действительно, юридическое неравенство между людьми, обусловленное случайностями рождения, представляет собой реальность современного мира, и закрывать глаза на это обстоятельство означает предаваться либеральному ханжеству. Но признание факта не является весомым аргументом для включения его в нормативную модель. Поэтому в долгосрочной перспективе необходимо предусмотреть возможность выхода из государств-корпораций и возможности перехода в другие корпорации, либо полный отказ от принадлежности к государству-корпорации. Собственно, элементы этого подхода имеют место и в современной практике, в виде перехода из гражданства одного государства в другое, множественности гражданств или отказу от гражданства. Но пока этот процесс зачастую обусловлен запретительно высокими издержками, устанавливаемыми по усмотрению государств в соответствии с принципом государственного суверенитета. С этой поправкой неогегельянская нормативная модель глобального гражданского общества могла бы претендовать на роль концептуальной альтернативы доминирующим на настоящем этапе неограмшианским моделям.

Кроме того, неогегельянская модель может работать не только в качестве нормативной теории, но и в качестве объяснительной, поскольку она более соответствует ряду эмпирических особенностей нынешнего глобального гражданского общества, даже в его активистской версии. В частности, она объясняет специфику восточноевропейского сегмента глобального гражданского общества, где либерально-космополитическая доктрина оказалась популярнее социалистически-антиглобалистских идей. Культурно-географическая идентичность активистов гражданского общества в купе с притягательностью европейской интеграции оказалась более весомым фактором в формировании ценностных установок, чем вовлеченность в мировое протестное движение.

Таким образом, концепция глобального гражданского общества, в её различных версиях и вариантах, представляет собой важный элемент для построения объяснительных и нормативных моделей мировой политики эпохи глобализации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Агитон К.* Альтернативный глобализм: Новые мировые движения протеста. - М.: Гилея. – 2004. - 204 С.
2. *Алексеева Т.А.* Современные политические теории. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН). - 2000. – 342 С.
3. *Альтфатер Э.* Геоэкономика и новый «арбитражный» капитализм. Пространственные и временные режимы в процессе постсоциалистической трансформации. / Повороты истории. Постсоциалистические трансформации глазами немецких исследователей: В 2 т. Т.1. – С.333-363.
4. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. - М.: КАНОН-пресс-Ц. - 2001. – 286 С.
5. *Бек У.* Амбивалентность космополитического режима //Актуальные проблемы Европы. – 2005. – №. 2. – С. 46-77.
6. *Бек У.* Космополитическое мировоззрение. - М.: Центр исследований постиндустриального общества. - 2008. – 311 С.
7. *Белковский С.* «Пакт «свобода в обмен на колбасу» больше не действует». <http://mirnov.ru/arhiv/mn940/mn/03-2.php>
8. *Белов К.В.* Модели понимания концепции глобального гражданского общества. // Политика и общество. - 2011. - № 12. - С. 26-38.
9. *Бергер П.* Введение: культурная динамика глобализации. / Многоликая глобализация / Под ред. П. Бергера и С. Хантингтона. — М.: Аспект Пресс. - 2004.
10. *Бхагвати Дж.* В защиту глобализации. - М.: Ладомир, 2005. – 406 С.
11. *Гайнутдинова Л.А.* Роль гражданского общества в системе глобального управления. // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. - 2009. - № 5. - С. 95-109.
12. *Гегель Г.Ф.* Философия права. – М.: Мысль, 1990.- 524 С.

13. *Геллнер Э.* Условия свободы: Гражданское общество и его исторические соперники. – М.: Ad Marginem. - 1995. – 222 С.
14. *Гизен К.* Между теорией принятия решений и структурализмом: слабая роль индивидуальной этики в теориях международных отношений. // Индивиды в международной политике. – М.: Международная педагогическая академия, 1996. – С.26-35.
15. *Голосов Г.В.* «Карьеристы» и «Верующие»: Партии-преемницы в процессе демократизации. // Pro et Contra. - 1998. - № 3. - С. 57-73.
16. *Гончаров В.Э.* Гражданское общество как идеологема //Гражданское общество: первые шаги. - СПб.: Норма. - 1999. - С. 39-43;
17. *Гончаров В.Э.* Идеологический брендинг «Единой России» // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. - 2010. - Т. 6. - № 1. - С. 68-82.
18. *Грамини А.* Тюремные тетради. В 3 ч. Ч.1. – М.: Политиздат. – 1991. – 560 С.
19. *Грохотова В.В.* Становление и развитие концепции «гуманитарной интервенции». // История государства и права. - 2010. - № 5. - С. 8-12.
20. *Гуторов В.А.* Политическая культура и политическая власть в эпоху глобализации // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. - 2006. - Т. 2. - № 4. - С. 63-74.
21. *Гуторов В.А.* Современные концепции гражданского общества. / Политика: наука, философия, образование. – СПб.: СПбГУ, Факультет Политологии. - 2011. – С. 394-402.
22. *Демкер М.* Закон Мэя: структура взглядов в политических партиях. / Теория и методы в современной политической науке: Первая попытка теоретического синтеза / под ред. С.У. Ларсена. – М.: РОССПЭН, 2009. – С.558-578.
23. *Елин Д.В.* Противоречивость процесса глобализации: локализация и глокализация // Общество: политика, экономика, право. - 2010. - № 1. - С. 14-17.

24. *Ерофеева П.* Глобальное гражданское общество как реальность, нормативный конструкт и идеология. // *Власть.* – 2011. - № 11. – С. 127-129.
25. *Ефимов О.И.* Глобальное гражданское общество: характеристики и противоречия. // *Личность. Культура. Общество.* - 2010. - Т. 12. - № 4. - С. 379-384.
26. *Животовская И.Г.* Неолиберальная глобализация и ее противники: к истории антиглобалистского движения. / *Альтерглобализм и антиглобалистские движения в современном мире.* – М.: ИНИОН РАН. - 2006. - С.7-18.
27. *Жирар М.* Возвращение индивидов в международную политику: иллюзии и воображение. // *Индивиды в международной политике.* – М.: Международная педагогическая академия, 1996. – С.10-25.
28. *Жирнова Е. А.* Причины возникновения антиглобалистского движения // *Вестник Сибирского государственного аэрокосмического университета им. академика МФ Решетнева.* – 2007. – №. 2. - С. 188-193.
29. *Иванов В.Г.* Глобальное гражданское общество: становление нового актора мировой политики. Часть 1. // *Вестник РУДН, серия Политология.* – 2010. - № 4. - С. 106-115.
30. *Иванова Е.Н., Иванов В.И.* Взаимодействие международных неправительственных организаций с ООН и межправительственными организациями // *Вестник Российского государственного гуманитарного университета.* - 2012. - № 19. - С. 57-67.
31. *Казаринова Д.Б.* Роль международных организаций в формировании глобального гражданского общества // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология.* 2010. № 4. С. 116-132.
32. *Кант И.* Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане. / *Сочинения в шести томах.* - М.: Мысль.- Т. 6. - 1966. - С.5-23.
33. *Кастиллио М.* Политика космополитизма: от универсализма к плюрализму // *Кантовский сборник.* - 2013. - № 2. - С. 19-32.

34. *Кеохейн Р.* Международные отношения вчера и сегодня. / Политическая наука: новые направления. / Под редакцией Р. Гудина и Х.-Д. Клингеманна. – М.: Вече. - 1999. – С.438-452.
35. *Кимлика У.* Современная политическая философия. Введение. - М.: ГУВШЭ. – 2010. – 588 С.
36. *Кин Дж.* Демократия и гражданское общество. - М.: Прогресс-Традиция. – 2001. – 397 С.
37. *Кирдина С. Г.* Гражданское общество: уход от идеологемы //Социологические исследования. – 2012. – №. 2. – С.63-73.
38. *Коноплин Ю.С., Красина О.В.* Проблемы индивида как актора мировой политики в условиях развития процессов глобализации //Вестник Российского университета дружбы народов. – Серия: Политология. – 2001. – № 3. – С. 111–123.
39. *Коркюф Ф.* Новые социологии. - М: Институт экспериментальной социологии, 2002. – 179 С.
40. *Косенко С. М.* О франко–американских противоречиях в области культуры //Вестник МГИМО Университета. – 2012. – №. 1.- С.98-107.
41. *Коэн Дж., Арато Э.* Гражданское общество и политическая теория. - М.: Весь Мир. - 2003. – 782 С.
42. *Кузнецов И.И.* Современная повестка дня глобального гражданского общества. // Вестник МГИМО Университета. - 2012. - № 2. - С. 120-127.
43. *Кун Т.* Структура научных революций. - М.: Прогресс. - 1977. – 300 С.
44. *Левин И.Б.* Глобализация и демократия //Полис: Политические исследования. – 2003. – №. 2. – С. 53-70.
45. *Логинов А.В.* Кризис современного государства и идеология космополитизма // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. - 2011. - № 15. - С. 22-30.

46. *Лукин В.Н.* Гражданское общество в глобальном мире (политический анализ проблем, рисков и стратегий развития). Диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук. - Москва, 2006. – 501 С.
47. *Лысенко В.В.* К вопросу об определении понятия «международная неправительственная организация» // Юридический мир. - 2009, № 10 (154). - С. 55-61
48. *Максименко В.* Идеологема *civil society* и гражданская культура //Pro et Contra. - Зима 1999. - Т.4. - № 1. – С.113 – 128;
49. *Мариносян Х.Э.* Глобальное гражданское общество, глобальное гражданство и космополитическое государство в контексте глобализации. // Философские науки. - 2011. - № 8. - С. 5-15.
50. *Маркс К.* К еврейскому вопросу. / К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Издание второе. Т.1. – М. Государственное издательство политической литературы. – 1955.
51. *Мартинелли А.* От мировой системы к мировому обществу? // Социологические исследования. - Январь 2009. - № 1. - С. 5-15.
52. *Марченко М.Н.* О концепции глобального гражданского общества. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. - 2007. - № 2. - С. 5-18.
53. *Маяковский В.В.* Товарищу Нетте, пароходу и человеку. <http://www.stihi-rus.ru/1/Mayakovskiy/50.htm>
54. *Мельянцева В.* Информационная революция - феномен «новой экономики» // Мировая экономика и международные отношения. – 2001. – № 2. – С.3-10.
55. *Норт Д.* Функционирование экономики во времени. Нобелевская лекция (9 декабря 1993 года). // Отечественные записки. – 2004. - № 9. – С. 88-103.

56. *Панарин А.С.* Стиль «ретро» в идеологии и политике: (Критические очерки французского неоконсерватизма). – М.: Мысль. – 1989. – 220 С.
57. *Пейн Т.* Избранные сочинения / Под ред. М.П. Баскина. - М.: АН СССР. - 1959.
58. *Петруня О.Э.* Роль европейских международных неправительственных организаций в управлении мировым сообществом. // Актуальные проблемы Европы. - 2005. - № 3. - С. 35-51.
59. *Ротстайн Б.* Политические институты: общие проблемы / Политическая наука: новые направления. / Под редакцией Р. Гудина и Х.-Д. Клингеманна. – М.: Вече, 1999. – С.149-180.
60. Руководство по связям персонала МВФ с организациями гражданского общества. - Международный Валютный Фонд, Департамент внешних связей. - Вашингтон, округ Колумбия. - <http://www.imf.org/external/np/cso/rus/2003/pdf/101003r.pdf>
61. *Садовая Е.Н.* К вопросу о глобальном гражданском обществе. // Вестник Донского государственного технического университета. - 2007. -Т. 7. - № 1. - С. 135-138.
62. *Сергунин А. А.* Иммануил Кант: роль в развитии теории международных отношений. - Saarbrucken: LAP LAMBERT Academic Publishing. - 2011. – 186 С.
63. *Степаненко В.* Глобальное гражданское общество: концептуализации и посткоммунистические вариации. // Социология: теория, методы, маркетинг. – 2005. - № 2. - С.156-175.
64. *Субботин А.А.* Информационные аспекты деятельности международных неправительственных организаций // Актуальные проблемы Европы. - 2004. - № 1. - С. 173-187.
65. *Субботин А.К.* Глобализация и новые функции европейских неправительственных организаций // Актуальные проблемы Европы. - 2005. - № 3. - С. 8-34.

66. *Токвиль А.* Демократия в Америке. - М.: Прогресс. – 1992. – 554 С.
67. *Файн Р.* Космополитизм эпохи просвещения: западный или всемирный? // Новое литературное обозрение. - 2011. - № 110. - С. 117-134.
68. *Фергюсон А.* Опыт истории гражданского общества. - М.: РОССПЭН. - 2000. – 389 С.
69. *Фукуяма Ф.* Конец истории и последний человек. – М.: АСТ. - 2004. – 588 С.
70. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ. - 2003. – 603 С.
71. *Хантингтон С.* Третья волна. Демократизация в конце XX века. – М.: РОССПЭН, 2003. – 365 С.
72. *Хардт М., Негри А.* Империя. — М.: Праксис. - 2004. – 434 С.
73. *Хелд Д., Гольдблатт Д., Макгрю Э., Перратон Дж.* Глобальные трансформации. – М.: Праксис. - 2004. – 575 С.
74. *Хоффер Э.* Истинноверующий: мысли о природе массовых движений. – Мн.: ЕГУ, 2001. – 200 С.
75. *Цыро И.В.* Механизм взаимодействия глобального и национального гражданских обществ. // Научные проблемы гуманитарных исследований. - 2010. - № 10. - С. 248-255.
76. *Чертов А.А.* К вопросу о наднациональности Европейского суда по правам человека. // Современное право. - 2007. - № 9-1. - С. 89-92.
77. *Шринивас Т.* Свидание с судьбой: индийский вариант культурной глобализации. // Многоликая глобализация / Под ред. П. Бергера и С. Хантингтона. — М.: Аспект Пресс. - 2004.
78. *Штраус Л.* Введение в политическую философию. - М.: Логос, Праксис. - 2000. – 363 С.
79. *Эрман Ж.* Индивидуализм и системный подход в анализе международной политики. // Индивиды в международной политике. – М.: Международная педагогическая академия, 1996. – С.36-48.

80. *Этциони А.* Коммунитаризм как ключ к мировой легитимности // Политическое управление: научный информационно-образовательный электронный журнал – 2012. – №. 2. – С.100-117.
81. *Эшкрафт Р.* Политическая теория и проблема идеологии. / Политическая теория в XX веке: Сборник статей. – М.: Издательский дом «Территория будущего». - 2008. – С. 364-386.
82. *Alexander J.* Global Civil Society. // Theory, Culture & Society. - May 2006. - Vol. 23. - № 2–3. - P.521-524.
83. *Althaus M.* Discovering Our (Corporate) Grassroots: European Advocacy 2.0. / Routledge Handbook of Political Management. / Edited by Dennis W. Johnson. - New York: Routledge. – 2009. - P.492-494.
84. *Amoore L., Langley P.* Ambiguities of global civil society // Review of International Studies. – 2004. – Vol. 30. – №. 1. - P. 89-110
85. *Anheier H., Glasius M., Kaldor M.* Introducing global civil society. / Global Civil Society yearbook 2001. / Edited by Helmut Anheier, Marlies Glasius, and Mary Kaldor. - Oxford: Oxford University Press. – 2001. – P. 3-22.
86. *Anheier H., Themudo N.* Organisational forms of Global Civil Society: implications of going global. // Global Civil Society yearbook 2002. / Edited by Helmut Anheier, Marlies Glasius, and Mary Kaldor. - Oxford: Oxford University Press. – 2002 – P. 191-216.
87. Apple обошла Microsoft на рынке операционных систем. 23.01.2013. <http://www.macdigger.ru/macall/apple-oboshla-microsoft-na-rynke-operacionnyx-sistem.html>
88. *Archer M.* Structure, agency and the internal conversation. – Cambridge: Cambridge University Press, 2003. – 370 P.
89. *Archibugi D.* Cosmopolitan democracy and its critics: a review // European Journal of International Relations. – 2004. – Vol. 10. – №. 3. – P. 437-473.

90. *Ayres J.* Framing collective action against neoliberalism: The case of the “anti-globalization” movement // *Journal of world-systems research*. – 2004. – Vol. 10. – №. 1. – P. 11-34.

91. *Batliwala S.* Grassroots Movements as Transnational Actors: Implications for Global Civil Society. // *Voluntas: International Journal of Voluntary and Nonprofit Organizations*. - December 2002. - Vol. 13. - №. 4. - P. 393-410.

92. *Bennett L.* Social movements beyond borders: understanding two eras of transnational activism. // *Transnational protest and global activism* / ed. by Donatella Delia Porta and Sidney Tarrow. - Lanham, MD: Rowman and Littlefield, 2005. - P. 203-226.

93. *Bexell M., Tallberg J., Uhlin A.* Democracy in global governance: The promises and pitfalls of transnational actors // *Global Governance: A Review of Multilateralism and International Organizations*. – 2010. – Vol. 16. – №. 1. – P. 81-101.

94. *Beyeler M., Kriesi H.* Transnational protest and the Public Sphere // *Mobilization: An International Journal*. - 2005. - Vol. 10. - №. 1. - P. 95-109.

95. *Booth K.* Security in Anarchy: Utopian Realism in Theory and Practice. // *International Affairs*. - Jul. 1991. - Vol. 67. - №. 3. - P. 527-545.

96. *Bowden B.* Civil society, the state, and the limits to global civil society. // *Global Society*. - April 2006. - Vol. 20. - №. 2. - P.167-168.

97. *Buckley K.* Global Civil Society: The Dialectics of Concept and Reality. // *Globalizations*. – 2013. - Vol.10. - №. 2. - P.231-244.

98. *Camia V., Caramani D.* Family meetings: Ideological convergence within party families across Europe, 1945–2009 // *Comparative European Politics*. – 2011. – Vol. 10. – №. 1. – P. 48-85.

99. *Castells M.* The new public sphere: Global civil society, communication networks, and global governance // *The ANNALS of the American Academy of Political and Social Science*. – March 2008. – №. 1. – P. 78-93.

100. *Chambers S., Kopstein J.* Civil Society and the State. / The Oxford Handbook of Political Theory. / Edited by John S. Dryzek, Bonnie Honig & Anne Phillips . - Oxford: Oxford University Press. - 2006. – P. 363-381.
101. *Chandler D.* Deriving Norms from «Global Space»: The Limits of Communicative Approaches to Global Civil Society Theorizing //Globalizations. - June 2007. - Vol. 4. - No. 2. - P. 283–298.
102. *Chua B.* Communitarian ideology and democracy in Singapore. – London: Routledge. - 1995. – 256 P.
103. *Colás A.* Global civil society: analytical category or normative concept? / Global Civil Society: Contested Futures. / Edited by G. Baker and D. Chandler - London: Routledge. – 2005. – P. 17-33.
104. *Colas A.* Putting cosmopolitanism into practice: the case of socialist internationalism // Millennium-Journal of International Studies. – 1994. – Vol. 23. – №. 3. – P. 513-534.
105. *Cox R.* Civil society at the turn of the millennium: prospects for an alternative world order //Review of international studies. – 1999. – Vol. 25. – №. 1. – P. 3-28;
106. *Cox R.* Gramsci, hegemony and international relations: An essay in method. // Millennium: Journal of International Studies. – 1983. - Vol. 12. - № 2. - P.162–175;
107. *Dryzek J.* Deliberative global politics: Discourse and democracy in a divided world. – Cambridge: Polity, 2006. – 208 P.
108. *Etzioni A.* From empire to community: A new approach to international relations. – New York: Palgrave Macmillan, 2004. – 258 P.
109. *Falk R.* Resisting «globalisation-from-above» through «globalisation-from-below» //New Political Economy. – 1997. – Vol. 2. – №. 1. – P. 17-24;
110. *Falk R.* The changing role of global civil society. / Edited by G. Baker and D. Chandler / Global Civil Society: Contested Futures. - New York: Routledge. – 2005. - P.59-71.

111. *Frederick H.* Computer networks and the emergence of global civil society //Global networks: Computers and international communication. / Edited by Linda M. Harasim. – Cambridge, Massachusetts: The MIT Press. - 1993. – P. 283-295.
112. *Germain R., Kenny M.* Engaging Gramsci: International relations theory and the new Gramscians. // Review of International Studies. – 1998. - Vol. 24. - №. 1. - P.3–21;
113. *Gill S.* Globalization, market civilization, and disciplinary neoliberalism //Globalization, Critical Concepts in Sociology: Globalization–Education and Management Agendas. – 1995. – Vol. 42. – P. 256-281;
114. *Gill S.* Reflections on Global Order and Sociohistorical Time. // Alternatives. - Summer 1991. - Vol. 16. - №. 3. - P.275-314;
115. Global Civil Society 2001. / Edited by Helmut Anheier, Marlies Glasius and Mary Kaldor. – Oxford: Oxford University Press. - 2001.
116. *Habermas J.* The Structural Transformation of the Public Sphere: An Inquiry into a Category of Bourgeois Society - Cambridge, MA: MIT Press. - 1989. – 301 P.
117. *Hay C., Wincott D.* Structure, agency and historical institutionalism //Political studies. – 1998. – Vol. 46. – №. 5. – P. 951-957.
118. *Kaldor M.* Transnational civil society. / Human Rights in Global Politics – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – P. 195-213.
119. *Keane J.* Global Civil Society? / Global Civil Society yearbook 2001. / Edited by Helmut Anheier, Marlies Glasius, and Mary Kaldor. - Oxford: Oxford University Press. – 2001. – P. 23-47.
120. *Keane J.* Global civil society? – Cambridge: Cambridge University Press. - 2003. – 220 P.
121. *Keane J.* Introduction / Civil society and the state: new European perspectives. / Edited by John Keane. - London: Verso. – 1988.

122. *Kellner D.* Globalisation from below? Toward a radical democratic technopolitics // *Angelaki: Journal of the Theoretical Humanities*. – 1999. – Vol. 4. – №. 2. – P. 101-113.

123. *Kendall G., Woodward I., Skrbis Z.* The Sociology of Cosmopolitanism: Globalization, Identity, Culture and Government. - N.Y.: Palgrave Macmillan. – 2009. - 177 P.

124. *Kitschelt H.* Formation of Party Cleavages in Post-Communist Democracies Theoretical Propositions // *Party Politics*. – 1995. – Vol. 1. – №. 4. – P. 447-472.

125. *Kitschelt H.* The radical right in Western Europe: A comparative analysis. – Ann Arbor: University of Michigan Press. – 1997. – 332 P.

126. *Langlois A.* Human rights and cosmopolitan liberalism // *Critical Review of International Social and Political Philosophy*. – 2007. – Vol. 10. – №. 1. – P. 29-45.

127. *Lipschutz R.* Reconstructing world politics: The emergence of global civil society. // *Millennium: Journal of International Studies*. – 1992. - Vol. 21. - № 3. - P.389–420.

128. *Lu C.* Cosmopolitan liberalism and the faces of injustice in international relations // *Review of International Studies*. – 2005. – Vol. 31. – №. 2. – P. 401-408;

129. *Lupel A.* Tasks of a global civil society: Held, Habermas and democratic legitimacy beyond the nation-state // *Globalizations*. – 2005. – Vol. 2. – №. 1. – P.117-133;

130. *Norris P.* Global governance and cosmopolitan citizens // *Governance in a globalizing world*. / Edited by Joseph S. Nye and John D. Donahue. – Washington: Brookings Institution, 2000. – P. 155-177.

131. *Norris P.* Radical right: Voters and parties in the electoral market. – Cambridge: Cambridge University Press. - 2005. – 349 P.

132. *Nye J.* Soft power // *Foreign policy*. – 1990. – № 80. – P. 153-171.

133. *Oliveira M.* The case for global civil society //National Civic Review. – 1995. – Vol. 84. – №. 2. – P.130-132.
134. Political Innovation and Conceptual Change / Edited by Terence Ball, James Farr, and Russell L. Hanson. - New York: Cambridge University Press. - 1989. – 366 P.
135. *Raiser K.* The World Council of Churches and international civil society //The Ecumenical Review. – 1994. – Vol. 46. – №. 1. – P. 38-44.
136. *Reitan R.* Global activism. – N.Y.: Routledge, 2007. – 332 P.
137. *Roach C.* Cultural imperialism and resistance in media theory and literary theory // Media, Culture & Society. – 1997. – Vol. 19. – №. 1. – P. 47-66.
138. *Roudometof V.* Transnationalism, cosmopolitanism and glocalization //Current sociology. – 2005. – Vol. 53. – №. 1. – P. 113-135;
139. *Salamon L.* Global civil society: An overview. – The Johns Hopkins University: Center for Civil Society Studies. - 2003.
140. *Salamon L.* The rise of the nonprofit sector //Foreign Affairs. – 1994. - Vol. 73. - №. 4. – P. 109-122.
141. *Santos B.* The Rise of the Global Left: The World Social Forum and Beyond. - London: Zed Books. - 2006. – 222 P.
142. *Scholte J.* Global civil society. // The Political Economy of Globalization. – L.: Macmillan. - 2000. - P.178-190.
143. *Seckinelgin H.* Civil society as a metaphor for western liberalism //Global society. – 2002. – Vol. 16. – №. 4. – P. 357-376.
144. *Sherkat D., Blocker T.* Explaining the political and personal consequences of protest. // Social Forces. – 1997. – Vol. 75. – №. 3. – P. 1049-1070.
145. *Stanley T.* Karl Barth and Jürgen Habermas: Transcendental aporias of Global Civil Society //Political Theology. – 2008. – Vol. 9. – №. 4. – P. 477-502.
146. Tarrow S. The New Transnational Activism. - Cambridge: Cambridge University Press, 2005. - 258 P.

147. *Tomlinson J.* Cultural imperialism. – London: Blackwell. – 1991. 187 P.
148. *Turner S.* Global civil society, anarchy and governance: assessing an emerging paradigm // *Journal of Peace Research.* – 1998. – Vol. 35. – №. 1. – P. 25-42.
149. *Warkentin C., Mingst K.* International Institutions, the State, and Global Civil Society in the Age of the World Wide Web // *Global Governance.* - Apr-Jun 2000. - Vol. 6. - Issue 2. - P.237-256.
150. *Warr K.* The normative promise of religious organizations in global civil society // *Journal of Church and State.* – 1999. – Vol. 41. – №. 3. – P. 499-523.
151. *Went R.* Globalization: Neoliberal challenge, radical responses. – London: Pluto Press. -- 2000. – 170 P.
152. *Wuthnow R.* Communities of discourse: Ideology and Social Structure in the Reformation, the Enlightenment, and European Socialism. - Cambridge, MA: Harvard University Press. - 1993. – 751 P.